

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 3 (48) — 2008

Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Ивановский государственный университет»
Общероссийское общественное движение женщин России

*Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–16955 от 9 января 2004 г.*

Редакционная коллегия:

О. А. Хасбулатова (Ивановский государственный университет; *сопредседатель редакционной коллегии, главный редактор*), **Е. Ф. Лахова** (Общероссийское общественное движение женщин России; *сопредседатель редакционной коллегии*), **С. Г. Айвазова** (Институт сравнительной политологии РАН, г. Москва), **В. Н. Егоров** (Ивановский государственный университет),
А. И. Евстратова (Костромской государственный технологический университет),
Т. Б. Рябова (Ивановский государственный университет), **З. Х. Саралиева** (Нижегородский государственный университет), **Н. Б. Гафизова** (Ивановский государственный университет),
Н. А. Шведова (Институт США и Канады РАН)

Адрес редакции:

153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Издательство «Ивановский государственный университет»

Тел./факс в Иваново: (4932) 41 75 79
E-mail: anyasmir@yandex.ru
Наш адрес в Internet: www.gender.ivanovo.ru

Журнал высылается по предварительной заявке

Подписной индекс в Каталоге российской прессы «Почта России» 78462

WOMEN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

№ 3 (48) — 2008

Russian Ministry of Education and Sciences

Ivanovo State University

Women's Movement of Russia

The journal is registered in the Federal Service for the Control over the Observation of Laws on
Mass Communications and for the Preservation of Cultural Heritage
Registration License PI № 77-16955 on January 9, 2004

Editorial Board:

O. A. Khazbulatova (Editor-in-chief, co-chair of editorial board, Ivanovo State University),
E. F. Lakhova (Women's Movement of Russia, co-chair of editorial board, Moscow),
S. G. Aivazova (Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
V. N. Egorov (Ivanovo State University), **A. I. Evstratova** (Kostroma State University of Technologies),
T. B. Ryabova (Ivanovo State University), **Z. H. Saralieva** (Nizhniy Novgorod State University),
N. B. Gafizova (Ivanovo State University), **N. A. Shvedova** (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, ul. Ermaka, 39
Publishing House «Ivanovo State University»

Tel./Fax: (4932) 41 75 79
E-mail: anyasmir@yandex.ru
Internet page: www.gender.ivanovo.ru

The issues may be sent by the preliminary request

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 3 (48) — 2008

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *О. А. Кручинина*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Подписано в печать 02.09.2008 г. Формат 70x108 ¹/₁₆.
Печать плоская. Бумага писчая.
Усл. печ. л. 7,8. Уч.-изд. л. 7,0. Тираж 300 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

ООО «Центр социальной поддержки женщин и семьи»
(Издательский центр «Юнона»)
153002 Иваново, пр. Ленина, 47

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

О. А. Хасбулатова, А. В. Смирнова

ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ СЕМЬИ В РОССИИ В XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА (Историко-социологический анализ)

Под государственной политикой в отношении семьи понимается целенаправленная деятельность органов государственного управления и других субъектов политики, осуществляемая с целью создания оптимальных условий для функционирования семьи и успешного выполнения ею социально значимых функций.

Историко-социологический анализ внутренней политики государства показывает, что она способна существенным образом влиять на социальный статус семьи в самых различных сферах: в сфере семейно-брачных отношений (предоставление возможности выбора партнера, контроль за рождаемостью и разводами, регламентирование поведения супругов, материнское и родительское право и др.); в создании условий для самообеспечения и саморазвития семьи, в выполнении ею бытовых, воспитательных функций, поддержании здоровья и личностного развития членов семьи; в социальной поддержке семей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

Специфика политики, затрагивающей интересы и влияющей на условия жизнедеятельности семьи, носит конкретно-исторический характер. К ее детерминантам целесообразно отнести:

- институциональные факторы (политическая система, политический режим, законодательная база по проблемам функционирования семьи);
- социально-экономические условия (экономические отношения, степень развития сферы услуг, создание условий для обеспечения экономической независимости семьи, оказание семьям поддержки в гармоничном сочетании их членами профессиональных и семейных обязанностей, уровень реальных доходов семьи);
- социокультурные и идеологические факторы (господствующая во властных структурах и массовом сознании система ценностей и идеалов, а также взглядов на социальный статус семьи и полорольные функции супругов);
- тип социальной политики (система социальной защиты населения, признание/непризнание материнства социально значимой функцией, материнское/родительское право);

- характер взаимоотношений между государством и семьей (социальное партнерство, протекционизм/патернализм, вмешательство государства в выполнение семьей своих функций).

Для исследования степени эффективности социальной политики российского государства в отношении семьи на различных этапах его исторического развития использован комплекс исторических, документальных, социологических источников: законодательные и нормативные акты, документы высших органов государственной власти Российской империи, СССР и Российской Федерации, конституции РСФСР, СССР и РФ, материалы съездов и другие документы КПСС, указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, многообразные статистические источники; периодическая печать. Авторами учтены результаты исследований ученых советского и постсоветского периодов, посвященные анализу политики государства в отношении семьи [1, 2, 3, 8, 9].

На основе обозначенных методологических подходов в предлагаемой статье осуществлен анализ следующих направлений государственной политики в отношении семьи:

- законодательная база по проблемам семейно-брачных отношений;
- демографическая политика;
- охрана материнства и детства;
- создание условий для обеспечения экономической независимости семьи;
- создание условий для выполнения семьей хозяйственно-бытовых и воспитательных функций.

Хронологические рамки исследования охватывают XX — начало XXI в. В обозначаемый исторический период российское государство имело различные формы общественно-политического и социально-экономического устройства, что самым непосредственным образом отражалось на жизнедеятельности семьи. Осмысление социально-исторического опыта реализации государственной политики в отношении семьи может представлять интерес не только для исследователей, но и для органов управления, разрабатывающих стратегию и тактику современной социальной политики.

Семейно-брачные отношения в Российской империи начала XX в. регулировались на основе господствовавших в обществе и государственной власти консервативно-патриархальных представлений о социальном предназначении мужчин и женщин. Изучение исторических источников показывает, что жесткая гендерная иерархия, закрепившая мужчин за публичной, а женщин — за приватной сферой, нашла отражение в законодательстве о семье, в культурных традициях и стереотипах поведения, предписываемых мужу и жене.

В российском праве начала XX в. действительным признавался только религиозный брак. Развод и самовольное расторжение брака запрещались. Жена должна была «повиноваться мужу своему как главе семейства, пребывать к нему в любви, почтении и неограниченном послушании, оказывать ему всякое угождение и привязанность как хозяйка дома» [7, с. 59]. Супруги должны были жить вместе. Законодательством оговаривалась обязанность жены следовать за мужем к месту его жительства. Отдельный вид на жительство она могла получить только с согласия мужа [там же, с. 131]. Без его согласия жена не могла

наниматься на работы, получать профессиональное образование, выдавать векселя [там же, с. 7, 56]. Паспорт ей тоже выдавался на срок согласия, выраженный главой семейства [там же, с. 131]. Муж единолично решал все важные вопросы, касавшиеся жены и детей. Таким образом, семья представляла собой в юридическом и нравственном отношении союз, основанный на властной опеке, а не на взаимопомощи входящих в него лиц.

Характерной чертой государственной политики в отношении семьи этого периода было отсутствие законодательства об охране материнства и младенчества. Помощь беременным женщинам в системе государственных лечебных учреждений практически не оказывалась. В сельской местности акушерская помощь отсутствовала, смертность женщин вдвое превышала смертность мужчин. Число родов, проходивших под наблюдением врача, составляла в Московской губернии — 9,9 %, Нижегородской — 2,8 %, Воронежской — 1,7 % [19, с. 75]. Аборты были запрещены, женщины, их совершившие, лишались всех прав и ссылались в Сибирь на поселение [7, с. 97].

В начале XX в. младенческая смертность на 1000 родившихся составляла в России 27,4, в то время как в Норвегии — 7,9, Франции — 13,7, Японии — 15,2 [19, с. 72]. Система общественного воспитания детей находилась в зародыше. Системы социальной защиты семьи также не существовало. Таким образом, государство не признавало материнство и воспитание детей социально значимыми функциями.

Что касается создания условий для экономической независимости семьи, то политика в этом отношении была достаточно противоречива. С одной стороны, в семьях рабочих женщины трудились наравне с мужчинами, и был широко распространен детский труд. При этом уровень оплаты женского и детского труда был на 30—40 % ниже мужского. Из прожиточного минимума рабочего были исключены книги, газеты, средства на отдых, лечение, воспитание детей [там же, с. 298], что отрицательно сказывалось на выполнении семьей многих важных функций.

С другой стороны, Российская империя была сельскохозяйственной страной с присущими сельским жителям общинным укладом и семейными устоями.

Российская семья, проживавшая в начале XX в. в сельской местности, представляла собой общность людей, связанных отношениями супружества, родительства и родства. Членов этой общности объединяли не только дети и совместное домохозяйство, но и совместная трудовая деятельность, совместное производство, которое сегодня принято называть семейным бизнесом. Семейное производство, объединявшее поколения родителей и детей, было широко распространено в сфере предпринимательства. Благодаря совместной деятельности, поколения родителей и детей были объединены общими экономическими и нравственными устоями, что во многом снижало ответственность государства за жизнеобеспечение детей и пожилых членов семьи.

После установления нового общественного устройства в октябре 1917 г. политика в отношении семьи кардинально изменилась. В ее концептуальную основу были положены идеи лидеров большевистской партии В. И. Ленина, А. М. Коллонтай, А. В. Луначарского, Н. К. Крупской, И. Ф. Арманд о равноправии полов, о новой жизненной стратегии для женщин — сочетании профес-

сионального труда и материнства, о необходимости государственной поддержки функций материнства [10, 12, 14].

В основу организации семейного быта руководители Советского государства положили утопические идеи обобществления домашнего хозяйства. Так, нарком просвещения 1920-х гг. А. В. Луначарский отмечал: «Мы хотим, чтобы в одной паровой прачечной стиралось все белье, чтобы люди не готовили себе обед, а посещали оборудованные общие столовые» [14, с. 10]. Эта стратегическая идея была закреплена в Программе РКП(б), принятой VIII съездом партии в 1919 г. [11, т. 2, с. 77].

Авторы разделяют точку зрения отечественных ученых постсоветского периода [1, 3], что стратегия общественного быта заложила основу новых взаимоотношений семьи и государства в социалистическом обществе, а именно подчинение интересов семьи интересам государства, которое изначально провозгласило себя ответственным за благополучие каждой семьи, оставляя ей минимум инициативы в организации своей жизнедеятельности. В этой связи показательно мнение А. М. Коллонтай: «... семья как хозяйственная единица, с точки зрения народного хозяйства, должна быть признана не только беспомощной, но и вредной...» [10, с. 18].

Эти идеи, как и идеи о подмене государством воспитательной функции семьи, претерпевали определенные корректировки на протяжении 70 лет существования советского государства, однако в главном они остались неизменными — в отстаивании права государства на регламентацию жизнедеятельности семьи.

Первые декреты советской власти от 18 и 19 декабря 1917 г. носили прогрессивный характер. Был введен гражданский брак, развод стал доступен обоим супругам. Мужчины и женщины были уравнены в праве инициировать развод. По мнению ученых, свобода развода явилась «тем фактором, который реально обеспечивал упрочение независимого положения женщин в семье» [3, с. 98—99]. За женщиной было также признано право выбора фамилии при вступлении ее в брак.

Первый Семейный кодекс от 22 декабря 1918 г. отменил и другие правовые акты, обеспечивавшие зависимое положение женщины в семье. Были установлены равные права матери и отца по отношению к их детям. В ряде статей уравнивались права внебрачных детей и детей, рожденных в браке. Кодекс предусматривал широкие возможности установления отцовства.

Второй Семейный кодекс 1926 г. ввел режим общности супружеского имущества и признал действительными фактические брачные отношения. Это была актуальная мера, поскольку в середине 1920-х гг. незарегистрированные браки получили достаточно большое распространение.

Семейный кодекс 1926 г. вошел в советскую историю как один из либеральных законодательных актов. Его наиболее существенным нововведением было придание правового значения фактическим брачным отношениям. Не менее важными новшествами стали замена режима раздельности супружеского имущества режимом общности и отмена расторжения брака в суде. Брак стал расторгаться без вызова супруга, последнему только сообщалось о факте развода.

Однако о степени влияния этого Семейного кодекса на семейно-брачные отношения судить достаточно трудно, поскольку с середины 1930-х гг. госу-

дарство стало корректировать семейную политику в направлении ужесточения контроля за жизнедеятельностью семьи.

Параллельно со становлением законодательства о семье в 1920-е гг. начала формироваться государственная система охраны материнства и детства.

В ноябре 1917 г. был организован наркомат государственного призрения (позднее — наркомат социального обеспечения). Созданный при наркомате отдел по охране материнства и младенчества объединил в государственную систему все родовспомогательные и детские учреждения, развернул работу по организации детских садов, приютов, детских и женских консультаций, родильных домов. Началась подготовка кадров для работы в этих учреждениях. К 1923 г. в стране было развернуто около 1500 яслей, домов матери и ребенка, молочных кухонь, консультаций [16, с. 77].

Согласно идее раскрепощения женщин развернулась работа по развитию общественного питания в городах. Фабрики-кухни были открыты в Москве, Ленинграде, Нижнем Новгороде, Иваново-Вознесенске, Екатеринбурге и других городах. В социальную практику начала внедряться идея домов-коммун как технологии реорганизации быта на общественных началах.

Утопизм идеи полной замены домашнего питания общественным был очевиден. Семье было неудобно ежедневно несколько раз выходить из дома, чтобы поесть, тем более что на селе система общепита вообще отсутствовала. Именно поэтому большинство семей продолжало готовить еду самостоятельно.

В связи с введением НЭПа в конце 1920-х гг. процесс реорганизации быта был приостановлен. Вся последующая социальная практика показала, что общепит, химчистки и прачечные не сумели освободить женщин от многочисленных домашних обязанностей.

Что касается создания советским семьям необходимых жилищных условий, то и в этом вопросе государство руководствовалось идеологическими постулатами. Об этом свидетельствуют построенные в 1920—30-х гг. дома-коммуны, с коммунальными квартирами на 3—5 семей, общей кухней и другими местами общего пользования. Спустя полвека партийные лидеры назовут эти строения «пережитками капитализма» и начнут расселять из них семьи в отдельные малогабаритные квартиры.

С начала 1940-х гг. идея обобществления быта была заменена задачей по развитию общественного питания и бытового обслуживания, с 1960-х гг. в партийных документах местным советам вменялось в обязанность «покончить с отставанием бытового обслуживания населения» [11, т. 10, с. 271—273].

Государство не принимало мер по механизации домашнего труда, возложив на женщин ответственность за выполнение хозяйственно-бытовой функции. Социологи отмечали, что у женщин-матерей в городских семьях нагрузка по ведению домашнего хозяйства была на 30 % больше, чем у мужчин, в сельских семьях домашний труд занимал у женщин 90 % нерабочего времени, что в 1,5 раза больше, чем у мужчин [13, с. 100]. Эти тенденции сохранились на протяжении всего советского периода.

В сфере регулирования демографических процессов политика советского государства отличалась противоречивостью. Если в 1920-х гг. предоставление свободы аборта трактовалось как завоевание социализма, то в 1936 г. эта сво-

бода была уже «пережитком буржуазного прошлого», а завоеванием социализма называлась «борьба с абортами». Причиной смены идеологических ориентиров послужило падение рождаемости в середине 1930-х гг., когда коэффициент суммарной рождаемости в России был почти на 40 % ниже, чем в 1927 г. Коммунистическая партия выбрала административный путь решения проблемы, запретив своим постановлением аборт и установив за их производство уголовную ответственность.

Таким образом, проблема повышения рождаемости рассматривалась с точки зрения интересов государства, интересы женщины должны были совпадать с общественными, другого выбора не было. Об интересах отца речь вообще не шла, поскольку как субъект семейных отношений он в государственной политике практически отсутствовал. Запрещение аборт в стране, где население не имело представления о планировании семьи, привело к массовым криминальным абортам, многие из которых заканчивались тяжелыми последствиями.

Наряду с запретом аборт, был ужесточен закон о разводе, была введена обязательная явка в суд обоим разводящимся супругам, в паспорт ставилась отметка о разводе и т. д. А 8 июня 1944 г. был принят Указ, отбросивший законодательство на столетие назад. В соответствии с этим Указом юридические права и обязанности супругов порождал лишь зарегистрированный брак. Установление отцовства было запрещено как в добровольном, так и в судебном порядке. В свидетельстве рожденного вне брака ребенка в графе «отец» стал ставиться прочерк. Государство ввело налог за бездетность не только для холостяков, но и для граждан, имеющих одного или двух детей. Была еще более ужесточена процедура развода. В местных газетах стали публиковаться объявления о разводе с фамилиями разводящихся.

Параллельно государство увеличило размеры пособий одиноким матерям, беременным женщинам, установило почетное звание «Мать-героиня», орден «Материнская слава» и медаль «Медаль материнства». Данные меры сопровождался ростом учреждений материнства и младенчества.

Указом от 15 февраля 1947 г. были запрещены браки между гражданами СССР и иностранцами.

Как показала статистика, жесткие меры со стороны государства не имели ожидаемого эффекта. Подъем рождаемости наблюдался в период с 1932 по 1939 г., уже с 1939 г. начался спад, а Вторая мировая война вызвала новое снижение рождаемости. Запрет аборт оказался неэффективным средством и был отменен Президиумом Верховного Совета СССР 23 ноября 1955 г. Усложненная процедура разводов, запрещение установления отцовства действовали вплоть до 1969 г.

В 1960—70-х гг. политика по поддержке семьи не претерпела кардинальных изменений. Большинство законодательных актов было направлено на охрану материнства и детства, развитие системы бытового обслуживания и строительство детских яслей и садов. В принятой на XXII съезде КПСС Программе строительства коммунизма ставилась задача к 1980 г. «предоставить каждой семье возможность бесплатного содержания детей в детских учреждениях» [17, с. 97].

В середине 1970-х гг. были изданы законодательные акты о льготах для беременных женщин и женщин, имеющих детей до полутора лет, был введен

частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком на срок до года и утвержден размер государственного пособия по уходу за ребенком. В 1984 г. женщины, имеющие детей, получили право работать по скользящему графику.

В результате к 1990 г. семья имела 15 видов пособий и льгот, связанных с осуществлением женщиной функций материнства, однако по своему размеру они не занимали какой-либо существенной доли в доходах семьи. В реальной жизни семья испытывала значительные трудности, поскольку в политике господствовал остаточный принцип расходования средств на социальные нужды. Так, существовавшая сеть дошкольных учреждений не обеспечивала потребности в них. Очередь на размещение детей в детские учреждения составляла 1,9 млн человек [5, с. 14]. 1,1 млн детей находились в детских садах свыше установленных норм [там же, с. 13]. Обеспеченность населения сетью общественного питания в 1988 г. составляла 772 места на 10 тыс. жителей, в результате члены семьи, в основном женщины, на покупку продуктов питания тратили ежедневно более часа, а на приобретение дефицитных товаров уходило до трех и более часов [там же, с. 14]. Сеть приемных пунктов службы быта расширялась медленно и отличалась низким качеством работ. На конец 1990 г. из каждых 100 семей 8 не имели холодильника, 30 — стиральной машины, 56 — электропылесоса [там же, с. 15—16].

В результате партийные решения 1920—90-х гг., направленные на переустройство быта и замену семейного воспитания общественным, оказались, по сути, декорацией политического режима, пропагандировавшего свою заботу о семье. В последней четверти XX в. это признавали все: и власть, и ученые, и общество.

Таким образом, историко-социологический анализ показывает, что советская государственная политика в отношении семьи носила выраженный «защитный» характер, в значительной степени строилась на запретительных и ограничительных мерах и не выдвигала семью в качестве субъекта этой политики. Советская семья полностью зависела от государства в решении проблем своей жизнедеятельности и не располагала ресурсами для инициативной деятельности в целях повышения своего благосостояния.

Практически все меры социальной поддержки семьи сопровождались пропагандистскими заверениями о том, что социалистическое государство берет на себя заботу обо всех проблемах семьи. Данная политика имела тяжелые социальные последствия. Ориентация не на собственные силы, а на поддержку государства стала нормой, что оказалось серьезным препятствием в ходе адаптации семьи к новым социально-экономическим условиям в России после распада СССР.

В условиях трансформации экономической и социальной политики в Российской Федерации в 1990-х гг. произошло стремительное падение уровня жизни большинства российских семей. Подверглась разрушению социальная инфраструктура, обслуживавшая семьи в советский период (предприятия «освобождались» от социальных объектов: детских учреждений, поликлиник, баз отдыха и т. д.). Нарастание застойной бедности отрицательно сказывалось на состоянии здоровья беременных женщин, новорожденных детей. Росло число разводов, сокращалось количество заключенных браков. Неуверенность в зав-

трашнем дне порождала психологическую неустойчивость, способствовала росту алкоголизма, насилия в семье, социального сиротства, снижению ответственности семьи за выполнение своих функций.

К концу 1990-х гг. уровень жизни российских семей оставался низким. По данным мониторинга общественного мнения, на 1000 человек населения в России приходилось 529 «бедных», 52,9 % населения имели доходы ниже прожиточного минимума [15, с. 36—43].

Серьезной проблемой жизнеобеспечения семей стала задержка с выплатой заработной платы в промышленности и бюджетной сфере, а также снижение реальной величины предоставляемых государством социальных гарантий. Если в 1991 г. пособие на ребенка от 1,5 до 6 лет равнялось 25 % прожиточного минимума, то в 1995 г. оно составляло 13 %, а к 1999 г. — 5,6 % [9, с. 23]. Одним из основных факторов бедности стало количество детей в семье. Доля бедных семей с тремя детьми достигала 85 %, с четырьмя детьми — 90 % [15, с. 43].

В целом система государственной поддержки семей с детьми не выполняла функции обеспечения приемлемого уровня жизни и социальной защиты семьи. Основные направления государственной семейной политики, обозначенные в Указе Президента РФ от 14 мая 1996 г., оставались нереализованными. В результате с ноября 1991 г. впервые после 1945 г. в России наблюдалась естественная убыль населения. Общий коэффициент разводов (число разводов на 100 браков) вырос с 42,1 в 1989 г. до 69,9 в 2000 г. Число детей в домах ребенка (на 100 тыс. детей в возрасте 0—3 лет) также увеличилось соответственно с 203,8 до 334,1 [9, с. 91].

Таким образом, есть основания утверждать, что кризисные явления, имевшие место в жизнедеятельности семьи в период 1990—2000 гг., в значительной степени детерминировались кризисом социальной политики государства. Именно в этот период многие семьи стали искать способы самовывживания и самообеспечения, среди них ведение личного подсобного хозяйства, дополнительные заработки, реже — предпринимательская деятельность.

В начале XXI в. Правительство Российской Федерации провозгласило новую стратегию социальной политики как переход от патерналистской модели советского периода к субсидиарной модели государства. Бесплатными были объявлены базовые социальные услуги — образование и здравоохранение, социальная поддержка семей стала более адресной. С этой целью органами социальной защиты населения была введена методика учета нуждаемости. В Концепции демографического развития Российской Федерации до 2015 г., утвержденной Правительством в этот период, предлагалось обеспечить рост рождаемости на основе введения дифференцированного пособия на детей в зависимости от очередности их рождения, а также льготного кредитования жилья.

Основными формами поддержки семьи оставались государственные пособия гражданам, имеющим детей, льготы в связи с рождением и воспитанием детей, натуральные выплаты и социальное обслуживание семей. Практически не осуществлялись меры по поддержке семейного бизнеса, семейного жилищного строительства, обеспечению правовой защиты личных подсобных хозяйств, развитию долгосрочного кредитования.

Период 2001—2008 гг. характеризуется дальнейшей трансформацией государственной политики в отношении семьи как на концептуальном, так и на практическом уровне. Концептуальные изменения закреплены в Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденной Указом Президента РФ от 09.10.2007 г. № 1351. Вектор современной семейной политики задают следующие задачи демографической политики:

- повышение уровня рождаемости за счет рождения в семьях второго и последующих детей;
- укрепление института семьи, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций семейных отношений.

Несмотря на то, что эти задачи схожи с теми, что обозначались в предыдущий период, модель взаимоотношений граждан и государства более четко выстраивается на иных принципах, а именно: принципе суверенитета семьи; опоры семьи на собственные силы (благополучие семьи — в первую очередь результат усилий ее членов); социальной защищенности семьи (семьи, которые по объективным причинам не могут самостоятельно себя обеспечить, могут получить поддержку со стороны государства); адресности при оказании мер социальной поддержки.

Изменения касаются и объекта семейной государственной политики: в Семейном кодексе РФ (1995 г.) в качестве объекта правоотношений стало выступать не только материнство, но и родительство. Получателями мер социальной поддержки могут выступать как матери, так и отцы, оба родителя несут равную ответственность за детей.

С 2007 г. меры государственной поддержки семьи, обозначенные в Концепции, получили реальное воплощение.

Постановлением Правительства РФ был существенно увеличен размер имевшихся пособий, введены дополнительные формы материальной поддержки семей («материнский» (семейный) капитал, единовременное пособие жене и ежемесячное пособие на ребенка военнослужащего, проходящего военную службу по призыву и др.).

Оформить сертификат на получение материнского (семейного) капитала могут женщины — гражданки России, родившие (усыновившие) второго ребенка с 1 января 2007 г., а также третьего (последующих детей), если они не оформляли сертификат. Законом предусмотрена возможность предоставления капитала отцу ребенка (усыновителю) в случае смерти матери, лишения ее родительских прав, отмены усыновления. Если ребенок, в связи с рождением которого предоставлялся семейный капитал, остался сиротой, право на получение капитала переходит к самому ребенку.

Значительно увеличено ежемесячное пособие по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет: с 700 р. до 40 % среднего заработка, но не менее 1500 р. на первого ребенка и до 3000 р. на второго ребенка. Дифференцированный размер пособия в зависимости от уровня оплаты труда до ухода в послеродовой отпуск направлен прежде всего на граждан, которые откладывали рождение ребенка из-за угрозы значительных финансовых потерь. Расширен круг получателей данного пособия: оно выплачивается гражданам, безработным или уволенным в связи с ликвидацией предприятия.

Указанные нововведения основывались на том, что высокий уровень затрат на семейные пособия может способствовать подъему рождаемости.

Однако выбранная модель партнерских взаимоотношений семьи и государства может быть реализована только при условии восприятия гражданами мер социальной поддержки как эффективных. Накануне внедрения новых пособий, в мае 2006 г. Фонд «Общественное мнение» провел опрос в 44 субъектах Российской Федерации, (объем выборки — 1500 человек, дополнительно — 600 респондентов в г. Москве). Почти 86 % опрошенных были уверены, что российскому правительству следует принимать специальные меры по повышению уровня рождаемости. Наиболее действенными мерами из тех, что предполагалось ввести с 2007 г., по мнению опрошенных, являлись:

- введение материнского капитала после рождения второго ребенка — 55 %;
- сохранение для работающих женщин 40 % заработка во время отпуска и по уходу за ребенком до 1,5 лет — 48 %;
- увеличение пособия на второго ребенка до 3000 р. — 46 %.

Изменение ориентиров в семейной политике также обозначается по вопросу устройства и обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Если в советский период государство брало их под свою опеку, то в Семейном кодексе и других нормативных документах Российской Федерации провозглашается приоритет семейных форм устройства детей в семью.

Для решения жилищной проблемы семьи государство избрало механизм выделения субсидии, в том числе для покупки жилья в кредит. В рамках Федеральной целевой программы «Жилище» на 2002—2010 гг. семьи-участницы программы получают субсидию на приобретение жилья, которая обеспечивается за счет федерального и регионального бюджетов. Например, для молодых семей, имеющих детей, размер субсидии составляет не менее 40 % расчетной (средней) стоимости жилья.

Тем не менее, учитывая высокую стоимость жилья, многие семьи не могут приобрести жилье на условиях софинансирования.

В различных регионах Российской Федерации используются следующие меры поддержки молодых семей в решении жилищной проблемы:

- предоставление ипотечных кредитов;
- предоставление субсидий;
- предоставление жилья с рассрочкой платежа;
- выделение строительных материалов для индивидуального жилищного строительства (в сельской местности);
- привлечение внебюджетных средств предприятий и организаций;
- компенсация части затрат на приобретение жилья в случае рождения ребенка;
- предоставление жилья на условиях «социального найма».

Создание условий для жизнедеятельности семьи проявляется также в развитии социальной инфраструктуры через увеличение мест в дошкольных образовательных учреждениях, развитие потребительского кредитования.

Помимо оказания поддержки семьям с детьми в качестве одной из задач семейной и демографической политики ставится формирование семейных цен-

ностей. В 2008 г. учрежден орден «Родительская слава» для родителей, воспитывающих (воспитавших) четверых детей. В отличие от звания «Матероина», существовавшего в советский период, орден получают оба родителя.

Для повышения престижа семьи организуются общероссийские социальные значимые мероприятия, конкурсы, создается социальная реклама просемейного содержания. С этой целью 2008 г. объявлен в Российской Федерации Годом семьи.

Таким образом, объектом семейной политики в современной России выступает не только женщина, а оба родителя. Взаимоотношения семьи и государства выстраиваются на принципах суверенитета семьи, адресности социальной помощи. При сохранении системы социального обеспечения реализуется комплекс мер, направленных на создание условий, а не на регламентацию жизни семей.

Таким образом, современная политика в отношении семьи приобретает субъект-субъектный характер, когда взаимоотношения семьи и государства строятся на принципах инициативного поведения семьи, адресности социальной помощи. Параллельно с ростом экономического благосостояния в доходах семьи стали более существенную роль играть социальные пособия и выплаты. Начала активно развиваться система социального обслуживания семьи. Выплата родовых сертификатов в рамках национального проекта «Здоровье» позволяет улучшить условия в учреждениях родовспоможения, положительно отражается на состоянии здоровья молодых мам и новорожденных детей. Намечилась устойчивая тенденция снижения материнской и младенческой смертности и роста рождаемости.

Осуществленный историко-социологический анализ политики российского государства в отношении семьи убеждает в том, что ее эффективность определяется той ролью, которая отводится семье в выполнении социально значимых функций и своем развитии. Ее цели должны соответствовать интересам семьи, а методы и технологии стимулировать инициативу семьи в решении собственных проблем. Продвижение по этому пути позволит укрепить институт семьи и поднять ее статус в российском обществе.

Библиографический список

1. Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринтах равноправия. М., 1998.
2. Антокольская М. В. Лекции по семейному праву: Учеб. пособие. М., 1995.
3. Гендерная экспертиза российского законодательства / Отв. ред. Л. Н. Завадская. М., 2001.
4. Дармодехин С. В. Государственная семейная политика: принципы формирования и реализации // Семья в России. 1995. № 3/4.
5. Женщины в СССР, 1990: Стат. материалы. М., 1990; М., 1991.
6. Жизнедеятельность семьи: тенденции и проблемы / Отв. ред. А. И. Антонов. М., 1990.
7. Законы о женщинах: (Сборник всех постановлений действующего законодательства, относящегося до лиц женского пола) / Изд. Я. А. Кантонович. СПб., 1899.
8. Здравомыслова О. М. Семья и общество: гендерное измерение российской трансформации. М., 2003.
9. Климантова Г. И. Государственная семейная политика в условиях социально-политической трансформации современной России. М., 2001.

10. Коллонтай А. М. Новая мораль и рабочий класс. Пг., 1919.
11. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд., доп. М., 1970. Т. 2, 4.
12. Крупская Н. К. Женщина-работница. М.; Л., 1926.
13. Лаптенюк С. Д. Мораль и семья. Минск, 1967.
14. Луначарский А. В. О народном образовании. М., 1958.
15. Опыт КПСС в решении женского вопроса. М., 1981.
16. Программа КПСС. М., 1976.
17. Свадьбина Т. В., Любимова А. Б. Современная семья: методология, проблемы, перспективы. Н. Новгород, 2005.
18. Труды Первого Всероссийского женского съезда при Русском женском обществе в Санкт-Петербурге, 10—16 декабря 1908 г. СПб., 1909.

З. Х. Саралиева, С. В. Соловьева

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ФОРМЫ ПОДДЕРЖКИ УСПЕШНОЙ СЕМЬИ: ПРОЕКТ «ДНЕВНЫЕ МАМЫ»

Одним из приоритетных направлений нижегородской семейной политики является поддержка успешной семьи. Это обусловлено тем, что позитивная динамика демографической ситуации возможна лишь тогда, когда предпринимаемые меры стимулирования рождаемости направлены в первую очередь на семьи, экономически самодостаточные, с ответственным родительством и возможностью успешной социализации подрастающего поколения.

Для становления и функционирования семьи как автономной организации должны быть созданы необходимые условия и в первую очередь поддерживающая инфраструктура. В статье представляется зарекомендовавший себя на территории Германии проект «Дневные мамы», который мог бы служить примером такой поддерживающей инфраструктуры. Привлечение *дневных мам* позволяет организовать гибкую, разностороннюю и своевременную поддержку и помощь успешной семье с учетом ее индивидуальных потребностей в части присмотра за детьми. При этом важно учесть, что поддержка осуществляется не только в интересах семьи, позволяя ей своевременно решить или, может быть, даже избежать возникновения каких-то проблем, но и в интересах самих детей, которые получают возможности для развития, обучения и воспитания на профессиональном уровне, не дожидаясь достижения ими трехлетнего возраста, когда их обязаны принять в детский сад. Тем самым обеспечивается равенство стартовых возможностей детей вне зависимости от того, в какой семье они родились и воспитываются.

Для детей, чьи родители по самым разным причинам не хотят или не могут отказываться от работы, необходимо большое количество возможностей организации присмотра за ребенком в формах, которые бы учитывали различные по-

требности родителей в организации ухода и присмотра за ребенком. Кроме известных нам детских садов, яслей и так называемой «продленки» в Германии (как и во всей Европе) существует дневной уход — это приближенная к семье форма ухода за ребенком в течение дня, применимая в принципе для самых различных возрастных групп, но преимущественно используемая для детей до трех лет.

Общепринятым стандартным решением для присмотра за детьми от 3 до 6 лет в Нижегородской области (как и в целом по России) принято считать детский сад. При этом с детьми до трех лет ситуация сложнее. С такими детьми занимаются преимущественно либо сами мамы, либо другие родственники. Это связано прежде всего с тем, что работа с младенцами требует большой ответственности и еще большей гибкости и приносит учреждению много хлопот. Потребность в этой форме неустойчива: сегодня нужна, завтра нет, а учреждение должно содержать специально для этих целей квалифицированный персонал.

В Германии выход из данной ситуации был найден с помощью организации гибких форм ухода и присмотра за ребенком в течение дня.

Дневной уход — это образование, воспитание и присмотр за ребенком не менее 10 часов в неделю, осуществляемый *дневной мамой* при наличии для этого приспособленных помещений.

*Дневные мамы*¹ являются альтернативой и дополнением общепринятой системы дошкольного образования, позволяющей минимизировать ее несовершенство и заполнить имеющиеся на практике пробелы. Особенно это касается предоставления почасового ухода, когда детские сады уже или еще не работают, и для ухода за детьми до трех лет.

Согласно оценкам исследователей, в настоящее время в Западной Германии ежегодно около 300 000 детей охвачены данной формой работы. Как правило, ребенок принимается в семью *дневной мамы* и растет зачастую вместе с ее детьми. Таким образом, у ребенка появляется постоянный «близкий человек, референтная личность»², которая уделяет ребенку много внимания, знает все его особенности и потребности и может под них подстроиться. Этим дневной уход приближен к условиям в семье. С «дневной мамой» можно также договориться, чтобы она при необходимости (или время от времени) приходила в квартиру, где живет ребенок. В этом случае ребенок может находиться на знакомой и родной для него территории.

Проведенные еще в 70-е гг. XX в. научные исследования данной формы ухода за детьми подтвердили, что вклад *дневной мамы* в воспитание младенцев или маленьких детей до трех лет равноценен вкладу родной матери. Тогда же было выяснено, что передача ребенка дневной маме наиболее бесппроблемна и безболезненна для всех участников, когда она происходит либо в течение первого года жизни, либо после двух лет. Особенно благоприятное влияние на от-

¹ Термин отражает ту особенность, что преимущественно женщины берутся за выполнение данных обязанностей. В исключительных случаях, когда мужчины также заявляют о своем желании и готовности осуществлять дневной уход за ребенком, речь может идти о *дневных отцах*.

² В данном контексте это человек, много времени проводящий с ребенком, к которому ребенок привыкает, привязывается и которому доверяет.

ношения матери и ребенка и развитие детской личности достигается в том случае, когда дневной уход осуществляется только полдня и ребенку остается достаточно времени для нахождения в собственной семье [3].

Качество развития и воспитания ребенка *дневной мамой* во многом зависит от ее личности, зрелости и педагогической компетентности. Именно на эти параметры и стоит обращать внимание при выборе *дневной мамы*. Следующим важнейшим компонентом является тесное сотрудничество и взаимопонимание родителей и *дневной мамы*: они должны согласовывать друг с другом стиль воспитания, регулярно обмениваться мнениями и информацией относительно поведения ребенка и его особенностей. При этом инициируется регулярный диалог, способствующий при необходимости корректировке воспитательного стиля родителей. Именно взаимодействие родителей и *дневной мамы* является одним из важнейших критериев качества данной формы ухода за ребенком и залогом удовлетворенности родителей.

Первоочередной задачей *дневной мамы* является уход за ребенком. Ребенок хочет есть, пить, играть, иметь возможность отдохнуть или уединиться, быть любимым, знать, что его смогут утешить и т. д. Уход за «дневным ребенком» — это то же самое, что и уход за собственным ребенком. Однако необходимо, чтобы родители и *дневная мама* имели схожие представления и цели в отношении воспитания. Иначе конфликтов не избежать. Прежде чем отдавать ребенка *дневной маме*, родителям необходимо обсудить с *дневной мамой* следующее:

- питание (что должен есть ребенок, приносят еду родители или его готовит *дневная мама* за дополнительную плату);
- аллергия и другие болезни (какие лекарства дают родители при насморке или простуде ребенка и т. д.);
- сон ребенка (хотят ли родители, чтобы ребенок спал — как и когда, как долго);
- стиль воспитания;
- вопросы религиозного воспитания;
- сексуальное воспитание;
- движение ребенка, активные занятия ребенка в помещении и на улице;
- время присмотра за ребенком (когда, в какое время родителям требуются услуги *дневной мамы*);
- отпуск *дневной мамы*;
- оплата труда;
- права *дневной мамы* — например, может ли она возить ребенка в своей машине, может ли ходить с ребенком в бассейн, к какому врачу ей надо будет обратиться, если вдруг ребенок заболит и т. д. [2].

Родителям рекомендуется заключать договор с *дневной мамой*, чтобы в нем оговорить права и обязанности обеих сторон, наиболее важные моменты ухода и воспитания.

В качестве *дневных мам* в Германии могут выступать педагоги, недавно вышедшие на пенсию или только начинающие свой профессиональный путь, а также матери, имеющие своего одного ребенка и находящиеся в отпуске по уходу за ним. Те, у кого есть свободное время, место и большое желание рабо-

тать с детьми, могут обратиться в отдел по делам молодежи и подать заявку на получение разрешения на осуществление дневного ухода.

Данное разрешение на уход за ребенком выдается лицам старше 18 лет с достаточным знанием государственного языка (в случае Германии — немецкого), не имеющим судимости и серьезных нарушений здоровья. Но главное — профессиональная пригодность (педагогические знания и навыки, способность к диалогу, уважение, заинтересованность, способность сопереживать и идти навстречу ребенку и его родителям, надежность, стрессоустойчивость и умение разрешать конфликты, а также готовность к тесному сотрудничеству с профессиональными консультантами и желание повышать свою квалификацию). Последним, не менее важным условием является наличие подходящих помещений, т. е. приспособленных для игры, сна, развития и движения, а также чистота их содержания.

Для осуществления присмотра за детьми — от одного ребенка и максимально до 5 детей, если этот присмотр осуществляется за деньги более, чем 15 часов в неделю, и длится более 3 месяцев, — необходимо специальное разрешение отдела по делам молодежи правительства города максимум на 5 лет. Тем самым родителям гарантируется, что в качестве *дневной мамы* выступают только личности, имеющие определенные склонности и являющиеся профпригодными.

Отдел по делам молодежи является одним из важнейших звеньев в организации дневного ухода:

- выдает разрешения на уход;
- выплачивает стоимость дневного ухода *дневным мамам*;
- собирает с этой целью взносы с родителей или, если они неплатежеспособны, выделяет средства из местного бюджета.

Дневной уход может быть как самоорганизованным, т. е., когда родители, исходя из собственных побуждений, обращаются за помощью к *дневной маме*, а может быть и рекомендованным или обязательно назначенным отделом по делам молодежи в случаях, когда родители не справляются с воспитанием собственного ребенка. Отдел по делам молодежи обязан в этом случае предоставить исчерпывающую информацию, касающуюся дневного ухода, а именно оформление договора, расходы и т. д.

Еще одной задачей отдела по делам молодежи является формирование так называемой «культуры дневного ухода за ребенком». Под этим понимается:

- поддержка родителей при выборе *дневной мамы*, предоставление им информации и кандидатур *дневных мам*;
- если с *дневной мамой* что-то случилось (она заболела и т. д.), отдел по делам молодежи отвечает за предоставление временной замены;
- организация повышения квалификации для *дневных мам*.

Распространение и укоренение такой культуры должно способствовать тому, чтобы на местах появлялись некие государственные, общественные или некоммерческие организации, которые брали бы на себя обязанности отдела по делам молодежи, тогда как за самим отделом оставалась бы лишь функция координации и контроля качества. Одной из таких организаций на территории Германии является Семейный центр, который поддерживает постоянное тесное сотрудничество с *дневными мамами*.

Преимущества такого централизованного подхода к поиску помощника для дневного ухода и присмотра за ребенком состоят в следующем:

- имеется список уже зарекомендовавших себя, своего рода знакомых «профессионалов», что дает родителям больше гарантий получения квалифицированных услуг проверенной *дневной мамы*;
- специалисты Семейного центра оказывают посредническую помощь в подборе *дневной мамы* или ребенка; с этой целью минимум 2 раза в год устраиваются информационные мероприятия, где потенциальные клиенты могут получить всю подробную информацию о возможностях дневного ухода;
- *дневные мамы* достаточно интегрированы в жизнь детского сада и Семейного центра в целом; они тесно сотрудничают с воспитателями семейных центров (детских садов), находящихся поблизости, участвуют в проводимых для воспитателей регулярных семинарах по повышению квалификации, осваивают методические приемы и педагогические концепции; *дневные мамы* участвуют во внутриорганизационных совещаниях, родительских собраниях, детских праздниках и т. д.;
- Семейный центр предоставляет место для регулярных встреч *дневных мам*; проживающие в одном районе могут познакомиться с коллегами, пообщаться, обменяться опытом, обсудить наболевшие проблемы; в результате *дневные мамы*, налаживая друг с другом контакты, могут впоследствии встречаться на детских площадках или приходить друг к другу в гости, чтобы дети, за которыми они осуществляют присмотр и уход, не оказывались лишенными детского сообщества;
- дети заранее привыкают к их будущему дошкольному учреждению через участия в разного рода мероприятиях и праздниках, проводимых детским садом и Семейным центром; кроме того, *дневным мамам* предоставляется возможность использования помещений детского сада, например, в вечернее время или в выходные, т. е. за пределами работы детского сада.

Несколько *дневных мам* могут объединиться и арендовать помещения, в которых будут находиться дети в течение дня. Таким образом, сформировалась новая форма, которая получила название «большого дневного ухода». Большой дневной уход — это воспитание, образование и уход максимум за десятью детьми со стороны нескольких *дневных мам* с соответствующим образованием и/или квалификацией в специально для этого приспособленных помещениях.

Сколько стоят услуги *дневных мам*? На примере немецких источников мы можем посмотреть стоимость услуг *дневных мам* в Германии (см. табл. 1) и их соотношение со средним уровнем зарплат в стране. Услуги *дневных мам* оплачиваются в зависимости от количества проработанных часов. В таблице указаны расценки за каждого ребенка, за которым *дневная мама* осуществляет присмотр и уход. Например, средний размер зарплаты по Германии составил в 2004 г. 2700 евро без вычета налогов³.

Так как *дневная мама* имеет статус индивидуального предпринимателя, то из этих денег ей необходимо оплатить еще и соответствующие страховки и

³ Данные представлены на 2004 г. <http://circa.europa.eu/irc/dsis/wages/info/data/index.htm>

налоги. В результате «чистыми» (на руки) она получает от 3 до 8 евро в час [2], т. е. *дневные мамы* не зарабатывают больших денег, и их работу правомерно рассматривать как призвание.

Таблица 1

Стоимость услуг дневных мам⁴

Время ухода, ч в неделю	Стоимость, €
10	80,00
15	110,00
20	140,00
25	170,00
30	200,00
35	230,00
40	260,00
45	290,00
50	320,00

Родители, желающие пользоваться услугами *дневных мам*, должны ежемесячно перечислять на счет отдела по делам молодежи указанную сумму. Если родители с низким доходом не имеют возможности сами оплачивать дневной уход за своим ребенком, отдел по делам молодежи берет на себя эти расходы и перечисляет *дневной маме* взнос в установленном размере. Кроме того, родители приносят с собой памперсы, медикаменты и другие средства ухода за ребенком.

Так как это не разовая, а рассчитанная на длительное время форма присмотра за ребенком, считается, что деньги перечисляются ежемесячно, вне зависимости от времени непосещения группы из-за болезни ребенка, отпуска родителей, болезни или отпуска *дневной мамы* (до 4 недель в году).

В некоторых землях, кроме официальных денег, которые *дневные мамы* получают от отдела по делам молодежи, они имеют право на дополнительные взносы от родителей, выплачиваемые наличными. С июля 2008 г. эти взносы составляют 1,30 € за каждый час работы *дневной мамы* (например, 10 часов в неделю = 13,00 € x 4 = 52,00 € в месяц) и плюс + 18,00 € в месяц на напитки и расходный материал для детских занятий (например, краски, пластилин и т. д.)⁵. Если родители дополнительно платят *дневной маме* какие-либо деньги, это подлежит обязательной налоговой декларации.

Поскольку дневной уход предполагает не только присмотр, но и воспитание, обучение и развитие ребенка, родители будут спокойны за своего ребенка, если они будут уверены в высоком уровне квалификации *дневных мам*. Не вызывает никаких споров, что работа *дневными мамочками* требуют специального обучения и регулярного последующего повышения квалификации, именно поэтому во многих регионах Германии действуют специализированные программы. Раньше содержание такого обучения в значительной степени зависело

⁴ Такие цены приняты на территории округа Фрайзинга (Германия). Цены могут варьироваться в зависимости от территории. <http://www.auer-strolche.de/html/kosten.html>

⁵ <http://www.auer-strolche.de/html/kosten.html>

от региона или организации, проводившей обучение. В 1998—2000 гг. по инициативе Федерального министерства по вопросам семьи проводилось исследование существующих программ обучения *дневных мам*, были выявлены наиболее эффективные и принято решение об унификации учебных программ для *дневных мам*. Кроме того, были подготовлены письменные материалы, которые должны составлять основу любой образовательной программы для *дневных мам* вне зависимости от территории и обучающей организации.

Образовательная программа, рассчитанная на 160 часов, должна поддерживать *дневных мам* и тем самым обеспечить реальные возможности для предоставления ими качественных услуг. При этом должны быть учтены интересы всех заинтересованных сторон, а именно — детей, родителей, *дневных мам* и государства (реализующего политику равных стартовых возможностей для всех его будущих граждан).

Курсы или обучение для *дневных мам* обычно проводятся 2 раза в неделю по вечерам, где будущие *дневные мамы* знакомятся со своими функциональными обязанностями и узнают требования к их квалификации, приобретают необходимые в их работе навыки. Преподаются психология развития, введение в организацию детских занятий, развитие, воспитание и обучение, а также правовые стороны дневного ухода, анализ возможных проблемных ситуаций. По окончании таких курсов будущая *дневная мама* получает сертификат, обязательный для осуществления дневного ухода, дополняемый свидетельством об окончании курса оказания первой помощи детям.

С точки зрения родителей, привлечение *дневной мамы* имеет свои преимущества. От институционализированного присмотра за ребенком в детских садах он отличается меньшим количеством детей, с которыми работает *дневная мама*. *Дневная мама* может уделять больше внимания ребенку, чем воспитательница в детском саду, что способствует установлению более тесных взаимоотношений между ребенком и *дневной мамой*. Деятельность *дневных мам* характеризуется возможностью индивидуального подхода к воспитанию и развитию ребенка, обстановкой, приближенной к семейной, меньшим риском заражения и заболеваний ребенка.

Большое преимущество *дневных мам* по сравнению с детскими садами или яслями — это гибкость времени ухода за ребенком. Мама не успевает вовремя привезти ребенка или время присмотра должно быть перенесено на другой день — большинство *дневных мам* могут достаточно оперативно реагировать на подобные просьбы. Кроме того, *дневные мамы* могут принять ребенка гораздо раньше, чем открывается детский сад, или до позднего вечера присмотреть за ребенком. Некоторые *дневные мамы* могут согласиться на уход в выходные дни или, при необходимости, оставить ребенка на ночь. Организация собственного рабочего времени зависит полностью от *дневной мамы*.

С точки зрения коммунального бюджета, еще одним преимуществом привлечения *дневных мам* является то, что расходы на них несколько ниже или приближены к стоимости яслей или детского сада.

Следует отметить и ряд недостатков данной формы: меньшее число товарищей по игре (если они вообще есть), хуже обеспечение игрушками, разный уровень педагогического образования, сложности с повышением квалификации *дневной мамы*, отсутствие жесткого контроля со стороны государства. Это

проявляется, например, в том, что в отличие от воспитателей детского сада от *дневных мам* не требуют документов о состоянии их здоровья.

Табл. 2 позволяет сравнить возможности воспитания в семье, в детском саду и с участием *дневной мамы*.

Таблица 2

Характеристики воспитания

Семья	Дневная мама	Детские ясли/сады
Разные формы семьи, не-работающая мать	Полная семья, женщина как домохозяйка и мать	Государственное учреждение
Основанные на любви взаимоотношения между ребенком и родителями, центральная роль ребенка, много свободы, много возможностей для самоопределения, больше споров о том, кто главный и кто кого слушается	Дневная мама — средний вариант между профессионалом и матерью, ребенок лишен своей главной роли, четкая организация распорядка дня, больше дисциплины	Профессиональная роль, воспитатель-профессионал. Менее центральная позиция ребенка, четкое разделение власти, четкая организация распорядка дня, больше дисциплины
Родной ребенок, часто единственный или самый младший	Чужой ребенок (часто вместе с родным ребенком), общение с другими детьми, меняющееся соотношение возрастов	Чужой ребенок наряду с другими детьми, малая разница в возрасте
Ограниченное количество социальных контактов с другими детьми, низкий уровень развития социальных навыков	Контакт с разными детьми разного возраста, поощряется и практикуется социальное обучение (обучение в группе — друг от друга)	Контакт с большим количеством сверстников, поощряется и практикуется социальное обучение (обучение в группе — друг от друга)
Часто нехватка времени у матери или у родителей	Интенсивный уход и присмотр со стороны дневной мамы	Из-за большого количества детей в группе — менее интенсивная работа с каждым
Меньше игрушек, скорее игры на самозанятость ребенка, ограниченный спектр возможностей занятия ребенка, зачастую телевизор — в качестве няни	Больше игрушек, игры на самозанятость и игры с другими детьми, больше возможностей для игр и занятий у ребенка, больше сознательного обучения — считать, петь, рисовать	Еще больше игрушек, игры на самозанятость и игры с другими детьми, больше возможностей для игр и занятий у ребенка, больше сознательного обучения — считать, петь, рисовать

Когда речь идет о сравнении качества воспитания и развития ребенка в семье и других формах, в литературе приводятся следующие примеры или факты:

- если ребенок посещает плохой детский сад, это может отразиться на развитии ребенка, и он будет отставать максимум на год от ребенка, посещавшего хороший детский сад [4];

- если родители совершают ошибки в воспитании в первые 3 года жизни, то в результате ребенок может быть педагогически запущенным, капризным, с задержками развития; по статистике принятия детей с трех лет в детские сады — таких детей насчитывается около 20—25 %;

- смена воспитательных стилей и организации присмотра и ухода за ребенком за счет одновременного привлечения нянечки, *дневной мамы*, соседей, бабушек, дедушек может привести к нарушению привязанности у ребенка к родителям;

- если у матери возникает депрессия из-за того, что она из-за ребенка вынуждена была оставить свою работу и карьеру, чувство неудовлетворенности, из-за чего возникают постоянные ссоры с отцом ребенка, от чего страдают его психика и развитие;

- если ребенок ходит в ясли и контактирует ежедневно с одним или двумя взрослыми, которые с любовью обращаются с ребенком, много с ним разговаривают, играют, ребенок будет чувствовать себя комфортно, что создает все условия для его нормального развития;

- если ребенок воспитывается в первые годы жизни, своими родителями с удовольствием и они уделяют ему много времени и внимания, способствуют тому, чтобы он общался с другими детьми и имел возможность познавать окружающий его мир, это позитивно скажется на его развитии;

- если за ребенком ухаживает и присматривает одна и та же *дневная мама* до его поступления в детский сад и заботится о разностороннем развитии ребенка, дневной уход за ребенком также будет оказывать позитивное влияние на малыша.

Таким образом, у каждой формы есть свои преимущества и свои недостатки, и все зависит от потребностей конкретных родителей. Здесь речь идет не об абсолютизации какой-либо формы, а о необходимости развития разных форм, которые могли бы обеспечить гибкое реагирование на изменяющиеся условия и потребности родителей.

Учитывая имеющиеся в Нижегородской области (как и в целом по России) сложности с получением места в детском саду, особенно для детей до трех лет, можно было бы предложить данную форму присмотра за детьми в качестве дополнения к существующей государственной системе.

Кроме того, распространение данной формы позволило бы укрепить экономические позиции семей, позволив женщинам (хотя бы частично⁶) совмещать профессиональную деятельность с выполнением семейных обязанностей. Излишняя сосредоточенность родителей на работе и зарабатывании денег также может негативно сказываться на выполнении родителями своих воспитательных функций: работа с утра до вечера приводит к накоплению усталости, психологическому истощению. Деятельность *дневных мам* позволила бы не только высвободить родителям какое-то время для себя или работы, но и нивелировать возможные последствия их недостаточной педагогической подготовленности и сравнительно невысокого уровня педагогической культуры наших родителей [1, с. 141] (естественно, при условии, что к образованию *дневных мам* будут подходить со всей серьезностью).

⁶ Особенно это касается тех профессий, где возможно выполнение заказов на дому или подработок. Нужно заметить, что такие возможности существуют у достаточно большого спектра специалистов — начиная от архитекторов и смежных профессий и заканчивая переводчиками, бухгалтерами и простыми операторами ПК.

В настоящее время рассматривается возможность применения данного проекта для удовлетворения потребностей успешной семьи в Нижегородской области в полноценном, развивающем уходе за ребенком.

Библиографический список

1. Мелешко Н. В. Нормативное регулирование семейной жизни // Социология. 2006. № 3/4.
2. Tagesmütter: Rechte und Pflichten. <http://www.kessie.de/tagesm.htm>
3. Textor M., Stangl B. Tagespflege von Kindern. Tagesmütter und —Väter. http://www.familienhandbuch.de/cmain/s_92
4. Tietze W., Roßbach H.-G., Grenner K. Kinder von 4 bis 8 Jahren: Zur Qualität der Erziehung und Bildung in Kindergarten, Grundschule und Familie. Weinheim, 2005.

Н. Ю. Егорова

**РОДИТЕЛЬСКО-ДЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В БРАКАХ И СОЖИТЕЛЬСТВАХ**

Большинство социологов, демографов обеспокоены изменениями, связанными с состоянием института семьи в последние десятилетия уходящего века. Снижение уровня брачности, падение рождаемости, рост разводимости, увеличение доли внебрачных рождений — далеко неполный перечень процессов, характеризующих современное состояние семейно-брачных отношений. Под влиянием данных изменений происходит формирование новых форм семьи, отличающихся от традиционного варианта (вплоть до середины XX столетия считавшегося нормативным) теми или иными характеристиками.

Среди разнообразия альтернативных форм наиболее близкой к браку и, как показывают исследования, наиболее принимаемой обществом формой семейных отношений является сожительство. В большинстве стран Западной Европы добрачное сожительство — уже практика большинства. В России распространение незарегистрированных союзов фиксируется данными демографической статистики и результатами специальных социологических исследований. По данным микропереписи 1994 г., доля сожителей в общем числе супружеских союзов составляла 7 % [3, с. 35]. К 2002 г. она увеличилась до 10 % [4, с. 5]. Социологические исследования в различных регионах России говорят о большой степени распространенности данного феномена. Так, например, результаты исследования «Жизнь семейная», проведенного в Нижегородской области в 2007 г., показывают, что у 22,5 % респондентов супружеский союз не был зарегистрирован¹.

© Егорова Н. Ю., 2008

¹ Опрошено 544 человека старше 20 лет с опытом семейной жизни (руководитель проекта д-р ист. наук, проф. З. Х. Саралиева).

В то же время увеличение числа незарегистрированных союзов сопровождается ростом числа рожденных в них детей. В большинстве стран Западной Европы юридическая регистрация отношений часто происходит лишь в случае, когда мужчина и женщина принимают совместное решение о рождении ребенка. Россия, о чем свидетельствует статистика внебрачной рождаемости, пока не относится к числу стран с самой высокой долей детей, рожденных вне брака, но уже обогнала в этом отношении многие европейские страны. По данным последней переписи населения, за 1989—2002 гг. доля детей, рожденных вне зарегистрированного брака, удвоилась и составила около 30 % от общего числа рождений, из них почти половина зарегистрирована по совместному заявлению родителей [4, с. 5].

Увеличение доли сожительствующих пар в последние десятилетия как в большинстве европейских стран, так и в России, требует к себе более пристального внимания. Несмотря на постоянный рост свободных союзов, в отечественной социологии информации, дающей представление о характеристиках этой формы отношений, недостаточно. Как правило, в российских источниках сожительство воспринимается как пробный вариант отношений [1]. В то же время единичные качественные исследования дают основания говорить о наличии детей в рамках подобных союзов [3]. Следовательно, анализ характеристик сожительства с точки зрения выполнения ими основных семейных функций, и в первую очередь связанных с родительством, становится весьма актуальным.

Одним из исследований, в рамках которого можно зафиксировать значимость данной формы семьи, стал международный проект «Ценность детей. Межпоколенные отношения»². Результаты вышеуказанного исследования позволили дополнить наше представление о сожительстве и сопоставить его характеристики в отдельных аспектах с аналогичным брачным вариантом отношений.

Среди женщин, участвующих в опросе, 9,6 % матерей с маленькими детьми и 11,3 % матерей с детьми-подростками отнесли себя к категории «не замужем, совместно проживаю (незарегистрированный брак)» (табл. 1).

Таблица 1

Брачный статус матерей с детьми, %

Варианты ответа	Мать + Ребенок	Мать + Подросток	В двух подвыборках
Замужем (первый брак)	80,5	76,3	78,3
Второй, третий (и т. д.) раз замужем	8,4	7,7	8,0
Не замужем, совместно проживаю (незарегистрированный брак)	9,6	12,9	11,3
<i>Всего</i>	100	100	100

² Научный руководитель проекта — проф. Б. Наук (Германия). Руководитель российской части исследования — проф. З. Х. Саралиева. В рамках данной статьи анализируются две подвыборки указанного исследования: матери с маленькими детьми (число опрошенных — 261 человек) и матери с детьми-подростками (число опрошенных — 287 человек).

Сожительствующие пары, как правило, малодетны (см. табл. 2). Большинство мам как первой (Мать + Ребенок), так и второй (Мать + Подросток) группы имеют одного ребенка — 76 и 56,8 % соответственно. Четверть мам младшей возрастной группы и треть мам старшей имеют двоих детей. В рамках же брачных отношений подобное распределение характерно только для младшей возрастной группы. В состав большинства брачных семей группы входят двое и более детей — 51 %. Разница в количестве детей наиболее ярко проявляется при сравнении матерей старшей возрастной группы. Двоих и более детей в рамках брачных союзов имеют 65,7 % матерей, тогда как в сожительствах таких оказывается менее 43 %. Таким образом, брак пока является более приемлемой формой для рождения и воспитания детей. С другой стороны, видимо, репродуктивные ориентации, а следовательно, и возможности незарегистрированной семьи ниже.

Таблица 2

Количество детей в брачных и незарегистрированных союзах, %

Число детей	В двух подвыборках		Мать + Ребенок		Мать + Подросток	
	брак	сожительство	брак	сожительство	брак	сожительство
Один	52	64,5	70,5	76,0	34,2*	56,8*
Двое	44,5	32,3	24,8	24,0	57,5*	37,8*
Трое и более	6,5	3,2	4,8	—	8,2	5,4

* Разница статистически значима при $p < 0,05$.

Почти все женщины в незарегистрированных союзах воспитывали родного ребенка (за исключением одной, для которой ребенок являлся усыновленным). Что касается кровных отношений между детьми и партнером женщины, то здесь можно выделить, по меньшей мере, два варианта. В большинстве случаев (58 %, или 36 пар) партнер был биологическим отцом ребенка, в остальных — хотя бы один из детей не был ему родным.

Еще одной важной характеристикой сожительства является продолжительность, а следовательно, устойчивость отношений. Среди попавших в опрос женщин половина жила совместно с партнером более 10 лет, 25 % — 5—9 лет и лишь четверть имела непродолжительный стаж супружеских незарегистрированных отношений — менее 4 лет.

Таким образом, сожительство может рассматриваться не только как пробный вариант супружеских отношений, ориентированный на выполнение функций интимного характера и выбор оптимального брачного партнера, но и как устойчивая альтернативная форма организации *семьи* (курсив мой. — Н. Е.), в рамках которой возможно выполнение базовых семейных функций, в первую очередь репродуктивной и социализирующей.

Посредством анализа результатов вышеуказанного социологического исследования попытаемся сопоставить характеристики, связанные с родительско-детскими отношениями матерей, воспитывающих детей в браках и сожительствах. Для сравнения был выбран блок вопросов, касающийся взаимодействия матерей и детей, а именно положительные и отрицательные мотивы рождения ребенка, стиль общения с ним.

В незарегистрированных парах дети воспринимаются прежде всего как самостоятельная эмоционально-психологическая ценность. Средние показатели по данной группе мотивов наиболее высокие — 4,3 (см. табл. 3)³.

Таблица 3

Причины желания иметь детей

Перечень причин	Средний показатель по мотивам, балл	
	брак	сожитительство
<i>Эмоционально-психологическая составляющая</i>	4,3	4,3
Получаешь удовольствие, когда наблюдаешь за тем, как ребенок растет	4,5	4,6
Это радость иметь маленького ребенка	4,5	4,5
По причине особенной любви, которая развивается между родителем и ребенком	4,4	4,3
В доме весело, когда есть дети	4,0	4,0
<i>Дети как смысл жизни, как основная ценность</i>	3,8	3,8
Иметь кого-нибудь, чтобы любить и заботиться о нем	4,1	4,3
Ваша жизнь будет продолжаться через Ваших детей	4,3	4,2
Воспитание детей помогает узнать Вам больше о жизни и о себе	3,8	3,9
Дети повышают чувство ответственности и помогают Вам развиваться	3,8	3,7
Вы хотите поделиться с детьми тем, чем Вы владеете	3,8	3,7
Любой новый член семьи делает Вашу семью более значимой	3,4*	3,0*
<i>Социально-статусная и экономическая составляющие</i>	2,7	2,6
Люди, имеющие детей, реже бывают одинокими в пожилом возрасте	3,8	3,6
Дети сближают Вас с мужем	3,4*	3,0*
Дети способствуют усилению связей с родственниками	2,8	2,8
Родительство улучшает положение и репутацию среди Ваших родственников	2,5	2,5
Дети являются еще одной причиной для Вас/Вашего мужа преуспевать на работе	2,4	2,3
Ребенок помогает по дому	2,5	2,4
Чтобы иметь еще одного человека, который бы материально помогал семье	2,2*	2,5*
Благодаря Вашим детям Вы сможете найти новых друзей	2,2*	2,5*
<i>Нормативная составляющая</i>	2,8	2,7
Чтобы быть уверенным, что достаточно детей доживет до взрослого возраста	3,0	3,0
Муж хочет еще детей	2,9**	2,3**
Чтобы не прерывалась фамилия, род	2,9	3,1
Чтобы иметь девочку/другую девочку	2,5	2,3
Согласно Вашей вере долгом является иметь детей	2,4	2,4
Чтобы иметь мальчика/другого мальчика	2,4	2,3

* Разница статистически значима при $p < 0.05$; ** разница статистически значима при $p < 0.001$.

³ Выделить представленные группы мотивов позволил факторный анализ методом анализа главных факторов (PAF). Данная 4-факторная модель объясняет 81 % корреляций между признаками и 37 % дисперсии.

Вторая по значимости группа мотивов отражает самооценку ребенка для женщины. Здесь ребенок — смысл жизни, ее продолжение, возможность саморазвития. Наиболее ярко эту группу мотивов представляют следующие высказывания: «Ваша жизнь будет продолжаться через Ваших детей» (средний балл для браков и сожительства — 4,3 и 4,2 соответственно); «воспитание детей помогает узнать больше о жизни и о себе» (3,8 — для браков, 3,9 — для незарегистрированных союзов); «Вы хотите поделиться с детьми всем, чем владеете» (3,8 — для браков и 3,7 — для сожительства). Важность этой группы мотивов для женщин, попавших в выборку, во многом подтверждает концепцию С. И. Голода о пока еще детоцентричности современной российской семьи [2].

Менее значимыми оказываются социально-статусные и экономические составляющие ценности детей. В полученной факторной модели они составили отдельную группу мотивов со средними баллами 2,7 и 2,6 для браков и сожительства соответственно. Судя по полученным данным, ребенок не рассматривается в качестве субъекта активной материальной, физической помощи родителям, в том числе и в старости. Такие высказывания, как: «...чтобы ребенок помогал по дому», «...материально помогал семье» — набирают в среднем около 2,4 балла. В то же время самый высокий показатель по данной группе мотивов фиксируется в ответах на высказывание «люди, имеющие детей, реже бывают одинокими в пожилом возрасте» (3,8 и 3,6 балла для браков и сожительства соответственно), что подчеркивает значимость в современной семье в первую очередь эмоциональной, психологической поддержки. Невысокие позиции имеют причины, связанные с социально-статусным аспектом ценности детей. Безусловно, дети скрепляют семью. Они сближают с мужем, способствуют укреплению связи с родственниками. Но все же данные причины не набирают более 3,0 балла, за исключением мотива «дети сближают Вас с мужем», причем только для мам брачной группы. Здесь средний показатель равен 3,4. Таким образом, рождение ребенка не рассматривается как возможность изменить свою позицию среди родственников, в профессиональной деятельности, несемейном окружении посредством детей. Высказывания «дети являются еще одной причиной для Вас/Вашего мужа преуспевать», «родительство улучшает положение и репутацию среди Ваших родственников», «благодаря Вашим детям Вы сможете найти новых друзей» набирают не более 2,5 балла.

Нормативная составляющая ценности детей обнаруживает еще меньшую поддержку у респондентов. Средний показатель по данной группе мотивов составляет 2,8 и 2,7 балла для браков и сожительства соответственно.

При сравнении иерархии групп причин желания иметь детей у матерей в браках и сожительствах сложно выделить существенные отличия. Приоритет и в том, и в другом случае отдается эмоционально-психологической составляющей ценности детей. Наименьшую роль играют факторы, связанные с социально-статусным, экономическим и нормативным аспектами. Статистически значимые отличия проступают, когда речь заходит об анализе отдельных мотивов. Для матерей в незарегистрированных союзах причины рождения реже связываются с желанием укрепить свои позиции в супружеских отношениях или не портить их (причины «когда муж хочет еще детей», «потому что дети сближают Вас с мужем» имеют самую большую разницу в средних показателях — 2,3 против 2,9 в браках и 3,0 против 3,4 соответственно). Мамы в сожительствах

реже считают важным для рождения ребенка мотив «дети делают семью более значимой» (3,0 против 3,4 в брачной группе). Можно предположить, что характер супружеских отношений в сожительствах несколько отличается от браков и связи между супругами здесь менее тесные.

В структуре отрицательных мотивов лидирующие позиции занимают объективные причины нежелания иметь больше детей (реализация репродуктивных потребностей, состояние здоровья, возраст, жилищные условия; см. табл. 5)⁴. Мотивы, связанные с восприятием ребенка как помехи, ограничивающей профессиональную и личностную свободу, оказываются менее значимыми (средний показатель по этой группе 2,7 и 2,5 для браков и сожительства соответственно против 3,2 и 3,0 мотивов первой группы). Тем не менее нельзя недооценивать важность последних, необходимо просто иметь в виду, что современная российская семья находится в достаточно сложных экономических условиях и это не может не влиять на ее репродуктивные потребности. При сопоставлении брачных и сожительствающих пар серьезных различий в иерархии групп отрицательных мотивов не обнаруживается. Анализ отдельных причин, препятствующих рождению ребенка, заставляет обратить внимание на следующее высказывание: «Уже есть столько детей, сколько хотелось бы». Средний показатель по нему выше для брачной группы — 3,5 против 3,1 в незарегистрированных парах. Возможно, более успешно репродуктивные потребности реализуются в рамках брачной семьи. Есть и еще одно высказывание, где фиксируется статистически значимая разница показателя: «...страх перед беременностью и родами». Данный отрицательный мотив оказывается более важным для брачной группы.

Таблица 5

Причины нежелания иметь детей

Перечень причин	Средний показатель по отрицательным мотивам, балл	
	брак	сожительство
Объективные причины	3,2	3,0
Ребенок — помеха	2,7	2,5
Страх перед родительство	2,6	2,5
Ориентация на норматив	1,8	1,8

Таким образом, негативные тенденции, связанные с институтом семьи, в частности падение рождаемости, нельзя однобоко рассматривать как результат кризисных проявлений в российском обществе. Доминирование психологической составляющей ценности детей в структуре определяющих мотивов естественно ограничивает рождение детей в семье — как брачной, так и незарегистрированной; экономические мотивы, с которыми связаны высокие показатели рождаемости, уходят на второй план. Тем не менее, по результатам исследования, доминирующей, идеальной моделью семьи, с точки зрения количества детей, вне зависимости от наличия регистрации отношений остается 2-детная семья.

⁴ Группы отрицательных мотивов выделены на основе факторного анализа методом главных факторов (РАФ). Полученная 4-факторная модель объясняет 89 % корреляций и 48 % дисперсии.

Следующий блок вопросов, характеризующий родительско-детские отношения в современной семье, относится к способу влияния матери на ребенка, стилю общения, взаимодействию с ним. Факторный анализ позволил выделить две группы высказываний⁵. Первый фактор отражает степень любви, принятия ребенка, его значимость, важность для женщины. Во второй фактор попали высказывания, которые характеризуют уровень контроля, требовательности, авторитарности во взаимоотношениях с ребенком со стороны матери. В целом используется и тот, и другой вариант общения в процессе воспитания, хотя показатели по первому фактору значимо выше (см. табл. 6). При сравнении браков и сожительствах серьезных отличий в формах, методах воспитания не фиксируется. Уровень любви и контроля оказывается больше связанным с возрастом ребенка, нежели с типом семьи. И любовь, и контроль ярче выражены в группе молодых матерей. Маленький ребенок требует, судя по результатам исследования, больше внимания и участия, чем подросток.

Таблица 6

Взаимодействие матерей и детей

Способы взаимодействия с ребенком	Средний показатель по стилю общения с ребенком, балл	
	брак	сожительство
Любовь, принятие	3,7	3,8
Контроль, авторитарность	3,3	3,3

Рамки данного исследования, к сожалению, не позволили нам выявить и сопоставить вклад отца в воспитание ребенка в указанных типах семей. Опрос изначально был ориентирован на восприятие родительства женщиной как главного субъекта воспроизводства и социализации. Судя по результатам исследования, материнство рассматривается как важный аспект жизни женщины вне зависимости от формы семьи, которую она выбирает. Наличие или отсутствие регистрации отношений не является серьезным дифференцирующим признаком. Как мы видели, структура положительных и отрицательных мотивов, структура ожиданий, стилей взаимодействия во многом совпадают.

Тем не менее есть некоторые моменты, на которые хотелось бы обратить внимание. Меньшая значимость в сожительствах социально-статусных мотивов, в частности ориентация на мужа при принятии решения о рождении ребенка, может говорить об отличных от брачных семей супружеских отношениях, складывающихся в рамках незарегистрированных союзов. Без дополнительных исследований сложно интерпретировать эти результаты. Это может указывать на меньшую традиционность такой семьи, большую свободу, независимость членов семьи в принятии решений, а также свидетельствовать о допустимости факультативности в выполнении функций со стороны партнера, в том числе социализирующих. Интересным является и тот факт, что матери в незарегистрированных союзах чаще недовольны супружескими отношениями, чем матери в брачных союзах (см. табл. 7). В то же время фиксируется высокая

⁵ Полученная 2-факторная модель методов анализа главных факторов (PAF) объясняет 82 % корреляций между признаками и 32,4 % дисперсии.

удовлетворенность семьей для обеих подгрупп. Видимо, супружество и семья для матерей в незарегистрированных парах — категории не равнозначные.

Таблица 7

Удовлетворенность семейными отношениями и жизнью в целом

Удовлетворенность	Средний индекс удовлетворенности, балл	
	брак	сожитительство
Семья	4,1	4,0
Муж	3,9*	3,2*
Жизнь в целом	3,7	3,6

*Разница значима при $p < 0.001$.

Полученные в ходе исследования результаты говорят, с одной стороны, о постепенной институционализации отношений сожитительства. Сегодня подобные семьи становятся одним из вариантов семейных отношений, такая семья берет на себя большинство функций, традиционно приписываемых семье. С другой стороны, учитывая результаты исследования, указывающие на специфику внутрисемейных, прежде всего супружеских отношений, предметом дальнейшего изучения и анализа должен стать вклад отца в воспитание ребенка в зависимости от формы отношений, типа семьи. Это позволит оценить успешность выполнения современной семьей, а именно ее различными вариантами, базовых семейных функций, в первую очередь связанных с социализацией.

Библиографический список

1. Богданова Л. П., Шукина А. С. Гражданский брак в современной демографической ситуации // Социс. 2003. № 7.
2. Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998.
3. Михеева А. Р. Брак, семья, родительство: социологические и демографические аспекты: Учеб. пособие / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2001.
4. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. М.: КРОС, 2003.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА: ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ

Е. Р. Ярская-Смирнова, Г. А. Тепер, Н. В. Грек

БРОШЕННЫЕ ДЕТИ: ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ РАННЕГО СОЦИАЛЬНОГО СИРОТСТВА

Передача матерью новорожденного ребенка под опеку государства, или «отказничество», — острая социальная проблема. Она является предметом научного интереса различных специалистов во всем мире [2, с. 79]. По данным независимых экспертов и неправительственных общественных организаций¹, количество сирот вместе с беспризорными детьми в России в начале 2000-х гг. приблизилось к 1,5 млн: 21 % из них — это отказные дети [6, с. 96]. Средства массовой информации акцентируют свое внимание на таких факторах отказничества, как внебрачные связи и риски бедности: «...в среднем до 80 % “подкидышей” — дети, рожденные вне брака. Специалисты отметили резкое повышение и другого среднего показателя — с 45 до 70 % возросло число “отказников”, которые являются не первыми детьми в семье» [13].

Траектория принятия женщиной решения об отказе от ребенка включает следующие этапы: семья — женская консультация — роддом — детская больница — дом ребенка. Об устойчивости практики отказов говорят статистические данные, любезно предоставленные нам в одном из роддомов г. Саратова (табл. 1). Это крупное медицинское учреждение, рассчитанное на 250 койко-мест, в год здесь принимают в среднем 4000 родов.

Таблица 1

Статистика отказов по роддому

Год	Отказы		
	От детей, родившихся живыми	От больных новорожденных	<i>Итого</i>
2000	3335	874	47
2001	3710	1122	53
2002	3777	1078	55
2003	4377	1227	54
2004	3947	999	49
2005	4118	1123	55
2006	4027	1009	51
2007 ²	4218	649	30

© Ярская-Смирнова Е. Р., Тепер Г. А., Грек Н. В., 2008

¹ Санкт-Петербургский благотворительный фонд помощи детям сиротам «Содействие». <http://www.assistancerussia.org/>

² Снижение численности больных новорожденных и количества отказов в 2007 г., на наш взгляд, может быть связано с началом реализации в области государственной семейной и демографической политики, основные направления и приоритеты

Ребенок, получивший статус «отказного» в роддоме, попадает в стационар детской больницы, где он должен пройти необходимые обследования, а потом его направляют в семью или в учреждение для сирот (дом ребенка). Но из-за проблем с оформлением документов дети порой живут в больницах годами, долгое время проводят в палатах и отстают в развитии, главным образом из-за заброшенности, т. е. по причине отсутствия специального персонала [7].

Следует отметить, что по всей России число домов ребенка и детей в них сокращается, но пока незначительно: в 2000 г. в 254 дома ребенка попало 19,3 тыс. чел, а в 2007 г. в 249 учреждениях находилось 18 500 тыс. чел. [3]. В Саратовской области число маленьких воспитанников в домах ребенка увеличилось от 162 в 2002 г. до 196 чел. в 2006 г.³ Эта область в настоящее время относится к числу регионов, где служб профилактики отказов от новорожденных не существует, хотя проблема с отказничеством стоит остро. Проведение кейс-стади в одном из роддомов г. Саратова и изучение опыта работы Центра «Семья» г. Энгельса Саратовской области, а также интервью с экспертами⁴ позволили нам заключить, что отказ от материнства — это результат воздействия социальных обстоятельств, и для его профилактики необходимо принятие неотложных мер. В связи с этим становится актуальным анализ современной системы ранней профилактики социального сиротства, а также поиск путей ее развития.

Причины и факторы риска отказа от материнства

В соответствии с существующими правовыми нормами женщина, родившая ребенка, но не имеющая возможности или желания его растить, может передать его на попечение государства, для чего ей достаточно оформить несколько документов прямо в роддоме. Матери, не утруждающие себя процедурой юридического отказа, поступают еще проще, исчезая из родильного дома, и ребенок в этом случае оформляется органами опеки как брошенный.

Анализ причин попадания детей в дома ребенка позволил специалистам прийти к заключению, что от многих из новорожденных родители отказались прямо в родильном доме либо оформили документы на «временное помещение» ребенка на шесть месяцев, после чего не стали его забирать. Среди причин отказов — бедность, отсутствие жилья, работы, наличие в семье нескольких детей, неполная семья, серьезные конфликты в семье, юный возраст мате-

которой определены Концепцией демографической политики в Саратовской области на период до 2015 г. и Концепцией семейной политики Саратовской области на 2006—2010 гг., введением родовых сертификатов, материнского капитала.

³ В Саратовской области в настоящее время функционируют четыре дома ребенка: в Саратове, Балаково, Балашове и Марксе (специализированный дом ребенка для детей с нарушениями физического и интеллектуального развития).

⁴ Эмпирическая база включает 17 интервью (заведующие детскими отделениями родильных домов, психолог женской консультации, специалисты по социальной работе, социальные работники и социальные педагоги Центра «Семья», социальный педагог и дефектолог дома ребенка), документы учреждений, в том числе журнал регистрации отказных детей и истории развития новорожденных, акты о брошенном ребенке.

ри, злоупотребление алкоголем или наркотиками, рождение больного ребенка или ребенка с нарушениями развития. Нередко причиной отказа от новорожденного является послеродовая депрессия, которая, по данным зарубежной статистики, встречается в 5—15 % случаев [14].

К факторам риска отказа от материнства могут быть отнесены медицинские предпосылки со стороны ребенка либо со стороны матери. В качестве медицинских предпосылок ожидаемого либо непредвиденного отказа со стороны ребенка, на наш взгляд, следует рассматривать диагностированную внутриутробную патологию, выявленное после рождения тяжелое заболевание (родовая травма, врожденная патология), т. е. непредвиденный отказ. По данным Департамента медико-социальных проблем семьи, материнства и детства Минздравсоцразвития РФ, до 2006 г. детей в детских и родильных домах, детских больницах оставляли преимущественно студентки и женщины из малообеспеченных семей, тогда как в настоящее время причины несколько изменились: в основном оставляют больных детей с генетическими и врожденными аномалиями развития [4]. И хотя эти данные не подтверждаются нашим исследованием, отметим, что причина не только в плохом отношении родителей к таким новорожденным, а в их неуверенности в том, что дети, которым нужны высокотехнологические виды оказания медицинской помощи, особенно в первые месяцы их жизни, действительно смогут ее получить. Эти квалифицированные услуги должны предоставляться из средств федерального бюджета, тогда врожденные патологии и аномалии у новорожденных станут гораздо меньшим препятствием для родителей. Некоторые эксперты проводят сравнение между советским и нынешним порядком, усматривая причины роста отказничества не только в увеличении социальной напряженности, но и в утрате учреждениями здравоохранения и медработниками ряда функций контроля и заботы [16].

Предпосылки к отказу со стороны матери предполагают наличие соматических или психических заболеваний в период беременности (алкоголизм, наркомания, ВИЧ) — ожидаемый отказ или после родов (послеродовая депрессия) — непредвиденный отказ. Помимо медицинских предпосылок в возникновении ситуации отказа от материнства существенную роль играют объективные факторы, среди которых отметим социально-экономическое неблагополучие (отсутствие условий для проживания с ребенком, отсутствие постоянного места жительства, низкий материальный уровень, многодетность). Существуют также биологические предпосылки, к которым следует отнести юный возраст беременной, культурные предписания, связанные с запретами рождения детей вне брака или представляющие нежелательным тот или иной пол зачатого ребенка.

Имеют значение также субъективные факторы, среди которых можно выделить психологические — неготовность к выполнению родительских функций, давление со стороны социального окружения (родители, врачи). Следует особо отметить поведенческие предпосылки — типы отношения к беременности, которые могут фиксироваться такими индикаторами, как срок постановки на учет (поздние сроки беременности), «недисциплинированность» беременной, невыполнение рекомендаций медицинского персонала, отказ посещать курсы для будущих матерей, общее пренебрежение своим здоровьем и здоровьем ребенка. Таким образом, к факторам риска раннего социального сирот-

ства можно отнести нарушения здоровья матери или ребенка, психологические проблемы роженицы, а также сложный комплекс проблем, к которому применяются понятие «семейное неблагополучие».

Сознательный отказ от материнства — сложное и неоднозначное явление. Ему могут быть подвержены как женщины из групп риска, так и из вполне благополучных семей. В ряде случаев он выглядит «насильственным», вынужденным извне, основанным на социальных проблемах, а в других случаях неприятие ребенка происходит изнутри материнской личности. Создание приемлемых стартовых условий для жизни матери с ребенком, позволяющих им выжить вместе, а не по отдельности, как показывает опыт западных стран, значительно уменьшает количество отказов [6, с. 97]. Социально-экономические предпосылки отказа от материнства, по мнению О. Г. Исуповой, «являются более важными и распространенными. Прежде всего, огромное воздействие на поведение женщин оказал социальный и экономический кризис, а также практически полное отсутствие государственной поддержки рождаемости, недостаточное развитие соответствующих организаций» [там же, с. 99]. При этом в родильном доме по большей части не предусмотрены ставки психолога или социального работника, которые могли бы поговорить с матерью, выслушать ее проблемы, предложить необходимую помощь и тем самым помочь вернуть ребенка в семью.

Роддом как пространство для отказа

Все наши собеседники признают, что в роддоме необходима социально-медицинская работа с женщинами-«отказницами», т. к. самостоятельно, своими силами решить проблему они не смогут, в чем и стараются убедить администрацию учреждения. Со слов респондентов, медики пытаются решить проблему следующим образом: неоднократно разговаривают с «отказницами», стараются их переубедить, объяснить, как важна мама для ребенка.

В роддоме узнают о том, что женщина решила отказаться от ребенка от нее самой, когда она сообщает о своем намерении до или после родов, отказывается брать новорожденного на руки, прикладывать к груди, или через медицинский персонал, непосредственно с которым общаются беременные. Однако наши информанты могут сказать сразу, какая из поступивших женщин откажется от новорожденного. По их мнению, такие женщины отличаются безразличием или повышенной нервозностью; она замыкаются в себе, не идут на контакт с другими женщинами, пытаются как можно быстрее подписать документы и уйти; в роддоме они находятся два-три дня, что почти вдвое меньше, чем другие женщины. «Отказницы» чаще всего встречаются среди тех женщин, которые поступили в роддом в тот момент, когда роды уже начались, однако бывают исключения: иными словами, случается, что от ребенка отказывается женщина, которая пребывала некоторое время в дородовом отделении. Большинство таких женщин поступают без обменных карт, редко кто из них наблюдается в женской консультации.

Примерно у каждой второй из «отказниц», судя по оформленным документам, материальное положение ниже среднего, другие же благополучные или со средним достатком. Однако общие характеристики все же имеются: большинство из них одинокие, незамужние, нигде не работают. Уровень обра-

зования у таких женщин низкий, хотя встречаются и с неоконченным высшим образованием, например студентки вузов. Практически все они жительницы Саратова. Некоторые «отказницы» поступают в роддома с венерическими заболеваниями. Часто у таких женщин отмечается акушерская, экстрагенитальная патология. Есть женщины, страдающие алкогольной зависимостью, ВИЧ-инфицированные и наркозависимые.

Наши информанты считают, что «отказницы» имеют жилье, хотя некоторые живут в таких условиях, что не могут принести туда ребенка, а у других просто нет постоянного места жительства. По мнению специалистов, у «отказниц» существуют такие специфические черты характера, как повышенная тревожность, безответственность, им свойствен невротический тип личности; они «эгоистки, неуравновешенные, бессердечные», «их заботит собственное благополучие»; несовершеннолетние боятся осуждения родителей. По оценке информантов, психические заболевания или умственная отсталость вряд ли могут быть приняты за характерные особенности таких женщин: к примеру, в 2004 г. было всего две «отказницы», больные олигофренией. Хотя некоторые специалисты считают, что какие-то отклонения у «отказниц» все же есть: нашим информантам трудно представить, чтобы нормальная, психически здоровая женщина оставила своего ребенка.

Врожденная патология ребенка не так часто является причиной отказа: в 2004 г. было лишь два случая, хотя общее число новорожденных с патологией в роддоме в том же году составило 999. Несмотря на наличие заболеваний таких детей чаще всего забирают в семью. Отец ребенка ставится в известность об отказе лишь в том случае, если брак зарегистрирован. Случаи оформления временного отказа бывают, но не часто, такие дети находятся в 4-й или 2-й детской больнице до года, потом, если мама ребенка не забирает, он попадает в областной центр по усыновлению, опеке и попечительству или в дом ребенка.

Опрошенные специалисты считают, что на нарушение формирования материнского поведения влияет ситуация в родительской семье «отказницы». Опыт межличностных взаимоотношений в семье скорее всего был отрицательным, отношения с родителями «натянутыми», возможно, присутствовало физическое насилие. Отношения с матерью носили негативный характер, привязанности не было. Детство у таких женщин было проблемным: не хватало внимания, ласки родителей или же их просто избаловали. Вопреки сложившемуся народному стереотипу о том, что детдомовки сами бросают детей, воспроизводя поведение своих матерей, двое наших информантов придерживаются мнения, что среди «отказниц» мало женщин, воспитывавшихся в детских домах. Эксперты уверены в том, что женщины с опытом детдомовской жизни ни за что не бросают своих детей.

Важно отметить, что среди женщин, оставивших своего ребенка в 2004 г. в роддоме, у 29 уже были дети. При этом 23 женщины указали, что отказываются от ребенка по причине плохого материального положения. Характерно, что большинство женщин не были заинтересованы в беременности, на учете в женской консультации не состояли, а каждая пятая поздно встала на учет. Шестеро женщин покинули роддом, не оформив отказ, и на их детей были составлены акты о брошенном ребенке. Приведем четыре случая легитимации отказов от новорожденных в 2004 г. по документам, хранящимся в роддоме.

Случай 1. Врожденная патология у ребенка. Роды первые, «отказница» не замужем, студентка одного из саратовских вузов. Порок развития был обнаружен в 28 недель при УЗИ. Мать ребенка отказывается заботиться о новорожденном, несмотря на то, что ребенка можно вылечить, считает, что такой ребенок просто не может быть здоровым, нормальным, что не сможет его полюбить. В будущем, после того, как доучится, планирует выйти замуж, родить двоих детей. Ее желание отказаться от ребенка поддержали родители.

Случай 2. Женщина, не работая, находится в затруднительном материальном положении. Роды вторые, имеет дочь девяти лет, работает продавцом на базаре, не замужем. Аборт не сделала, так как из-за гормональных нарушений затянула со сроком. Считает, что двоих детей не прокормит. Писала заявление с надеждой, что он попадет в хорошие руки. Ребенка к груди не прикладывала, не хочет его видеть, считает, что он уже не ее.

Случай 3. Ученица 11-го класса. Не может забрать ребенка по причине, что сама находится на иждивении у своей бабушки. Отец ребенка оказался женатым, родившийся ребенок ему не нужен. Не делать аборт посоветовали врачи, объясняя это тем, что в будущем может не быть детей. Хотела бы забрать ребенка, но не знает, что делать, ей некому помочь, а одной не справиться.

Случай 4. Безработная, находится в тяжелом материальном положении. Беженка с Украины, не замужем, воспитывает двоих детей, работает продавцом на базаре. На аборт сначала не было денег, а потом было уже поздно. Нет постоянного жилья, снимает комнату в частном доме. Приняла решение отказаться от ребенка, когда поняла, что аборт сделать уже не сможет, в период беременности старалась забыть о ребенке, не думать о нем. Изменила бы свое решение при условии, если бы было постоянное жилье, работа хорошая, муж. Отказывается от ребенка, так как не уверена в завтрашнем дне.

Полученные в ходе исследования данные позволили нам прийти к заключению, что в 2004 г. в родильном доме психолого-педагогическая, психопрофилактическая и социальная работа с будущими матерями, матерями с младенцами, входящими в группу риска, не проводилась из-за отсутствия специалиста по социальной работе, психолога, хотя все респонденты считают необходимым наличие социально-медицинской работы с женщинами-«отказницами». «Отказницы» поступали во время начавшихся родов без обменных карт; чаще всего это одинокие, незамужние женщины старше 18 лет, у которых уже есть дети. Половина из них мотивировала отказ от своих новорожденных детей по причине плохого материального положения, хотя следует обратить внимание на тот факт, что многие из «отказниц» — домохозяйки, а объясняют причину отказа тем, что «не работая, не смогут содержать ребенка». На нарушение формирования материнского поведения влияет и ситуация в родительской семье «отказницы». Опыт межличностных взаимоотношений в семье такой женщины, как правило, был отрицательным, отношения с матерью носили негативный характер, детство было проблемным. Специалисты считают, что у женщин-«отказниц» существуют специфические черты характера, которые могли бы нарушить естественное формирование готовности к материнству, — это безответственность, инфантилизм, повышенная тревожность. Вместе с тем тот факт, что большинство «отказниц» повторнородящие, в корне меняет представление о том, что такие женщины никогда не были или не хотели бы побывать в роли матери.

Оценка современной ситуации

Вопросы ранней профилактики социального сиротства мы обсуждали со специалистами медицинских учреждений в 2007—2008 гг. В качестве основных причин отказов от детей эксперты вновь указали низкий материальный уровень женщин, отсутствие у них семьи, невозможность содержать ребенка. Все опрошенные респонденты считают ситуацию в регионе типичной для России в целом. Семьи группы риска в представлении респондентов — *«социально дезадаптированные»*, где отсутствуют *«комфортные условия, какие ребенок должен получать»*, причем речь идет не только о материальном уровне семьи, но и моральной ответственности, чувстве родительского долга. Как считают информанты, увеличение единовременного пособия при рождении ребенка до 23 тыс. р. не может служить гарантией обеспечения социального благополучия детей в подобных семьях, т. к. родители *«будут получать его [пособие] каждый месяц и могут вообще не работать, а жить только за счет этого бедного дитя»* (заведующая детским отделением роддома, г. Саратов, 2008).

Некоторые наши эксперты считают, что есть изменения в лучшую сторону, связывая это с изменениями законодательства, *с мерами правительства по улучшению демографической ситуации в стране, реализацией Национального проекта «Материнский капитал»*. Другие же утверждают, что количество отказных детей не изменилось, несмотря на принимаемые меры: *«Данная программа влияет на женщин хороших, которые ведут положительный образ жизни»* (заместитель заведующего детским отделением роддома, г. Саратов, 2008).

Один эксперт предположил, что количество отказных детей в регионе даже возросло, объясняя эту динамику распространением наркозависимости, ВИЧ и гепатита В. Судя по полученным нами в Министерстве здравоохранения Саратовской области данным, это предположение эксперта не лишено оснований: среднеобластные показатели заболеваемости населения превышают среднероссийские по болезни, вызванной ВИЧ, на 28,8 %, по сифилису — на 17,5 %. ВИЧ-позитивные женщины составляют более трети от общего числа ВИЧ-инфицированных в области (35,4 %). В общей структуре ВИЧ-инфицированных 97,1 % женщин находятся в репродуктивном возрасте. Соответственно, увеличивается число детей, рожденных от ВИЧ-позитивных матерей. Среди женщин также отмечается рост заболеваемости сифилисом, в том числе среди беременных⁵.

Психолог женской консультации отметил, что определенные маркеры, позволяющие спрогнозировать будущий отказ, можно выявить уже при первичном осмотре беременной участковым гинекологом и заполнении карты ее социального патронажа. К ним, по мнению респондента, относятся: позднее обращение к гинекологу при постановке на учет в женской консультации по поводу беременности, семейный статус, уровень материального дохода, возраст женщины, место ее работы или учебы, изменение эмоционального фона во время беременности.

Как указали респонденты, профилактическая работа с женщинами, которые решили отказаться от ребенка, проводится в родильном доме и женской консультации. Однако, по мнению экспертов — врачей роддомов, ее уровень недостаточен: *«Проводим, конечно, но что мы здесь можем? Если она уже*

⁵ Данные Министерства здравоохранения Саратовской области.

пришла с этим решением. Бывает, я их переубеждаю» (заведующая детским отделением роддома, г. Саратов, 2008). Более действенным является начало профилактической работы до поступления беременной в роддом, на этапе посещения женской консультации:

Если женщина приняла [решение] четко, конечно же, мы стараемся узнать есть ли какие-то резервы, может ли она передумать, не сиюминутный ли это какой-то отказ, вот у нее какой-то порыв, вот ее накрутили дома, то есть, если мы видим, что это осознанное решение, у нас есть для этого время, у нас она все-таки встает на учет, 2, 3, 5 месяцев, кого как мы наблюдаем. За это время мы ведем с ней периодически диагностические беседы, исследования, проводим тестирование, смотрим, потому что иногда <...> выявляется совершенно иная картина ее состояния, ее эмоциональной психотравмы, то, что она не хочет, а под действием родственников, под действием, там, мужа иногда — это бывает крайне редко — она пытается отказаться от этого ребенка. Если мы все ресурсы испытали, мы должны, как бы это цинично ни звучало, уважать выбор женщины, даже в этом случае, и настраивать ее на будущую жизнь... (психолог женской консультации, г. Саратов, 2008).

Процедура оформления отказа от ребенка включает в себя несколько этапов, которые предусматривают участие персонала медицинского учреждения, в том числе психолога и юриста. Следует отметить довольно пессимистическую позицию в отношении возможностей сотрудников родильного дома предотвратить отказ от ребенка, высказанную респондентом:

Как правило, она уже отказывается сразу, говорит, что не будет брать ребенка. Потом это сообщается мне, я с ней беседую, спрашиваю, по каким причинам отказывается. Может, там действительно что-то серьезное. А может, и передумает, кто знает. Нет, я, конечно, не могу ее уговаривать, это не в моей компетенции. Это ее личное решение. Потом даешь ей документ, она пишет, заполняет. Все это в присутствии главного врача. Еще могут присутствовать психолог и юрист. Но, как правило, никакого результата нет. А раньше роль юриста и психолога выполнял главный врач, он сам и беседовал. Потом ребенка везем в детскую больницу (заместитель заведующего детским отделением роддома, г. Саратов, 2008).

По мнению всех респондентов, для уменьшения числа отказных детей необходимы меры социально-экономического характера, обеспечивающие для женского населения страны стабильность, уверенность в завтрашнем дне: *«Если у женщины будет работа, если она будет обеспечена, если она не будет зависеть от какого-то мужа, то можно исправить»* (заведующая детским отделением роддома, г. Саратов, 2008), а также проведение профилактической работы с беременными на самых ранних этапах социально-медицинского наблюдения за женщинами *«даже не в роддоме, а сразу с беременными»* (социальный педагог дома ребенка, г. Саратов).

Ранняя профилактика социального сиротства должна начинаться задолго до рождения ребенка и проводиться на самых начальных этапах социально-медицинского наблюдения за беременной. На каждом из этих этапов мать ребенка находится под патронажем специалистов служб, которые по определенным признакам могут предположить, откажется ли она от ребенка или нет. Сегодня фокусом исследований и задачами профессиональной помощи должен

выступать не столько поиск факторов риска, сколько защитных механизмов и возможностей окружения, в котором живет ребенок. Существенная задача — анализ потребностей семьи и возможностей заботиться о ребенке. Таким образом, главной целью становится не изъятие ребенка из семьи и передача его на воспитание, а поддержка биологической семьи ребенка.

Сети профилактики и поддержки

Как было показано выше, вряд ли главными агентами отказов следует считать «матерей»: во-первых, это далеко не однородная группа, а во-вторых, в принятии решения об отказе прямо или косвенно участвуют другие члены семьи, ближайшего окружения матери ребенка, а также институциональные акторы, чье действие или бездействие поощряет женщину передать новорожденного заботам «социального материнства». В частности, в соответствии с Письмом Министерства образования РФ № АФ-226/06 от 25 июня 2007 г. «Об организации и осуществлении деятельности по опеке и попечительству в отношении несовершеннолетних» [12] акцент делается на работе не только с социальными сиротами, но и с детьми, которые потенциально могут ими стать. Между тем органы опеки и попечительства контролируют только те семьи, где ситуация риска уже установлена каким-либо способом (по сигналу из милиции, из школы, от соседей, из центров «Семья»).

Мы полагаем, что акцент в профилактике следует делать прежде всего на предупреждении того самого семейного неблагополучия, которое является основным фактором отказа, а также на развитии институциональной среды, которая могла бы восполнить бреши в сети поддержки матери ребенка и всей семьи. Косвенно на статистику семейного неблагополучия указывают данные о детях, находящихся в так называемом социально опасном положении (табл. 2).

Таблица 2

Дети, находящиеся в социально опасном положении

Численность \ Год	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Количество семей, находящихся в социально опасном положении	7001	7278	7738	6778	5877	4716	4180	3547
Количество детей в них	14053	14487	14824	12755	10749	8271	7336	6051
Численность детей, отображенных у родителей, лишенных родительских прав	1057	1241	1014	1105	1060	1114	1027	1225
Численность детей, отображенных у родителей без лишения их родительских прав	115	78	67	54	74	88	138	102

Обобщив работы ряда авторов [1, 15], можно дать следующее определение семейного неблагополучия — это состояние семейной группы, объективно препятствующее ее оптимальному функционированию, вызванное комплексом психофизических, социальных, экономических факторов. Семейное неблагополучие можно разделить на два типа: материальное (отсутствие постоянного жилья, работы, дохода) и социальное (отсутствие поддержки ближайшего со-

циального окружения, специфический образ жизни родителей), которые, впрочем, могут пересекаться и быть тесно связаны друг с другом. Следовательно, основная работа должна вестись с теми семьями, находящимися в «социально опасном положении», где есть риск отказа от новорожденного. К этой категории можно отнести семьи, где один или оба родителя подвержены алкоголизации, наркотизации, семьи с низким достатком, а иногда это сочетается с особой структурой семьи — монородительская, многодетная. Другими факторами риска отказа от ребенка, как упоминалось выше, являются инвалидность, заболевание ребенка и/или матери, но, по сравнению с материальным неблагополучием и паттернами поведения людей, «зависимых от алкоголя и наркотиков», они занимают крайне незначительное место в общем числе отказов.

За редким исключением в российских регионах профилактикой раннего социального сиротства не занимается ни одно из учреждений социальной сферы (ни органы опеки, ни центры «Семья», ни женские консультации). Встает острый вопрос о рассогласованности их действий. Женские консультации при выявлении женщины группы риска (страдающей наркотической, алкогольной зависимостью, матери-одиночки, многодетной матери) не передают эти сведения в органы опеки или в Центр «Семья», мотивируя это соображениями конфиденциальности. Работники женских консультаций не имеют права заставить женщину обратиться в ЦСОНы (центры социального обслуживания населения) или другие учреждения, способные оказать помощь в кризисной ситуации. Центры «Семья» в большинстве своем также не занимаются профилактикой раннего социального сиротства, поскольку работают по личному обращению семьи в случае тяжелой жизненной ситуации, и в сферу их полномочий не входит выявление семей группы риска. Органы опеки также не вовлекаются в решение этой проблемы, списывая эту обязанность на районный ЦСОН.

Между тем в работе с уже свершившимся фактом отказа от ребенка межведомственное взаимодействие налажено. Разные службы взаимодействуют между собой, в результате чего ребенок быстро передается по цепочке инстанций, задействованных во вторичной профилактике или воспроизводстве социального сиротства:

Медсестра несет документы в администрацию, в отдел опеки и попечительства, и второе сообщение — это областной центр по усыновлению, потому что они занимаются усыновлением. Мать оформляет это заявление, дает ребенку имя, и мы регистрируем этого ребенка в ЗАГСе. И уже с отказом, с медицинской справкой о состоянии здоровья, со свидетельством о рождении мы перевозим его в детскую больницу, потому что мы же не можем его тут держать несколько месяцев (врач роддома).

Мы работаем все-таки в одном направлении. То есть если нам нужна какая-то информация, мы посылаем запрос и получаем ответ. А если официального запроса не надо, просто нужна какая-то информация, то мы можем позвонить в центр по усыновлению, в детскую больницу и спрашиваем все по этому ребенку. Мы свободно обмениваемся информацией, все друг другу передаем (социальный педагог Центра «Семья»).

Как видим, органы опеки и попечительства узнают об отказе уже постфактум, когда медсестра родильного дома приносит заявление матери. Получа-

ется, что женщина поступает в роддом нередко уже с готовым решением об отказе, а в родильных домах отсутствует штатная единица психолога, либо эта ставка заполняется не профессиональным в этой области сотрудником (например, медсестрой или заведующим детским отделением), следовательно, никто не может воспрепятствовать решению роженицы. В итоге значительно затрудняется патронаж семей, а отсюда невозможно своевременное выявление семей группы риска, которые затем обвиняются в том, что «поставляют» государству социальных сирот. Межведомственное взаимодействие в основном сфокусировано на работе с детьми более старших возрастов и подростками, и это также является одним из факторов риска раннего социального сиротства. Такая ситуация наблюдается в большинстве районов г. Саратова.

В качестве исключения из сложившегося правила следует привести систему взаимодействия служб в некоторых районах Саратовской области. В г. Энгельсе существует достаточно развитая система профилактики раннего сиротства, которая базируется на согласовании действий тех учреждений, которые вовлечены в профилактику. Женские консультации г. Энгельса активно сотрудничают с местным Центром «Семья», на базе которого осуществляется ряд социально-психологических программ, направленных на формирование ответственного родительства: «Здоровый ребенок», «Школа материнства», «Радость материнства».

Рассмотрим вопросы взаимодействия двух ключевых учреждений, вовлеченных в профилактику раннего социального сиротства, — Центра «Семья» и женской консультации. Центр «Семья» в г. Энгельсе Саратовской области функционирует с 1996 г.; изначально он работал при местном ЦСОНе, но затем отделился от него и осуществляет свою самостоятельную деятельность.

В приемном отделении Центра занято около 20 специалистов по социальной работе, которые регулярно (один раз в две недели) совершают порайонный обход жилых домов с целью выявления семей, нуждающихся в социальной помощи. При этом они руководствуются не только личными наблюдениями, но и сообщениями социального окружения (соседей), что позволяет составить более полную картину об интересующей специалистов семье. Во время визитов специалисты раздают информационные буклеты, в которых содержатся сведения об организации:

Информированность, это, конечно, важно. Пусть мы не можем насильно заставить ее [женщину] прийти, да это и не нужно, но мы оставляем ей эти брошюры, все это. То есть даже если ей не сейчас, а потом помощь понадобится, она знает, куда обратиться (социальный педагог Центра «Семья»).

Речь здесь идет о женщинах из семей группы риска (одиноких, малоимущих, мигрантах, подверженных алкоголизации) и о несовершеннолетних беременных, т. е. о тех категориях, которые могут оказаться перед сложным выбором оставить ребенка в роддоме или взять домой. Многих из них можно отнести к группе с максимальным риском бедности [8]. Отметим, что, согласно решению Министерства здравоохранения и социальной поддержки Саратовской области, размер базового пособия на ребенка с 1 января 2008 г. составляет 225 р.⁶ Между

⁶ В Министерстве социального развития Саратовской области состоялась коллегия по итогам работы за 2007 г. и задачам на 2008 г. <http://www.saratov.gov.ru/news/official/detail.php?ID=23215>

тем для многих жителей области, занятых уходом за детьми в возрасте от полутора до трех лет, ежемесячное пособие на ребенка является практически единственным источником доходов [5]. Согласно закону Саратовской области № 68-ЗСО от 22 декабря 2004 г. «О государственной социальной помощи малоимущим семьям и малоимущим одиноко проживающим гражданам» [9], размер социальной помощи малоимущим гражданам не может быть более 2000 р. в год (т. е. не более 160 р. в месяц). Согласно Федеральному закону № 256 от 29 декабря 2006 г. «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [10], семье предоставляется материальная поддержка в случае рождения второго и последующих детей. Такая пронаталистская политика (увеличение суммы родовых сертификатов, установление материнского капитала) имела, кроме ожидаемого роста рождаемости, и негативные последствия: возросло количество детей, рожденных в семьях группы риска (у матерей-одиночек, многодетных семей, подверженных алкоголизации родителей). По мнению экспертов⁷, в этих семьях возрос риск отказов от детей при рождении ввиду несоответствия ожиданий семьи реальной ситуации (невозможность мгновенного получения материнского капитала).

В Центре «Семья» существует отделение помощи женщинам, оказавшимся в кризисной ситуации. Специалисты отделения оказывают женщинам психологическую, юридическую и педагогическую поддержку, составляют индивидуальную программу по социально-личностной адаптации и реабилитации, организуют тренинги. Одним из подразделений является социальная гостиница, которая предназначена для временного проживания и социальной адаптации женщин, оказавшихся в трудной жизненной ситуации (например, в случае семейного насилия). Кроме того, имеются отделения психолого-педагогической помощи, реабилитации несовершеннолетних с ограниченными возможностями, отделение срочного социального обслуживания населения — все это обуславливает комплексный характер работы данного учреждения.

Профилактика раннего социального сиротства осуществляется в Центре в рамках программы «Взрослое детство», которая дополняет программу «Маленькая мама», реализовывавшуюся с 2004 г. по запросу учреждений среднего специального образования, которые обеспокоились числом несовершеннолетних беременных учащихся (особенно это касается выпускниц школ-интернатов и детских домов). «Маленькая мама» осуществляет социальное сопровождение несовершеннолетних беременных (беременность несовершеннолетних является немаловажным фактором риска раннего социального сиротства). В программе есть важные составляющие: участковый принцип социальной работы, применение действенных технологий социальной работы (Интенсивная семейная терапия и Сеть социальных контактов), взаимодействие с женскими консультациями, взаимодействие с учебными заведениями.

Участковый принцип социальной работы — это технология выявления семей, находящихся в «социально опасном положении», которое, в частности, может привести к отказу от новорожденного. Принцип подразумевает территориальное разделение районов города на более мелкие подрайоны, к которым прикрепляется курирующий их социальный работник. Специалист должен регулярно

⁷ По результатам интервью со специалистами домов ребенка, родильных домов.

осуществлять поквартирный обход с целью выявления индивидов и семей, нуждающихся в помощи. После обхода составляется карта, где указывается место жительства социально неблагополучных семей, которая затем передается в органы опеки и попечительства, где специалисты начинают работу с этими семьями. Данный принцип работы получил широкое распространение в скандинавской модели социальной работы, где упор делается именно на раннюю профилактику семейных кризисов. Такой метод позволяет выявить те случаи семейного неблагополучия, которые могут спровоцировать отказ от ребенка. Этим методом охватывают не только сам город Энгельс, но и удаленные от него районы. Патронаж семьи предполагает оценку ситуации, оказание помощи и мониторинг, что позволяет продолжать работать с открывающимися трудностями и корректировать допущенные недочеты. Раннее вмешательство в трудную жизненную ситуацию семьи помогает оперативно мобилизовать имеющиеся ресурсы (как Центра, так и самой семьи), тем самым препятствуя возникновению осложнений.

Факторы снижения успешности этой работы связаны, во-первых, с разрывами цепочки межведомственного взаимодействия, а во-вторых, с нежеланием самой семьи или несовершеннолетней беременной сотрудничать со специалистами Центра.

Проблема межведомственного взаимодействия отражена в социальных службах:

Мне кажется, должно быть налажено взаимодействие, четкая система взаимодействия. Хотя у нас есть договор, соглашения о взаимодействии, но как-то вот такое ощущение, что каждый сам по себе «варится в своей каше». Мне кажется, если мы вместе будем... я знаю, есть у нас там круглые столы, чтобы побольше этих мероприятий было, и они позволили наладить эту структуру, систему (социальный работник Центра «Семья»).

В случае сопротивления семьи сотрудничать со специалистами Центра у последних практически отсутствуют механизмы воздействия:

Если у нее есть проблемы, то мы с ней работаем, если говорит «нет», а мы все равно видим, что есть проблемы, требуется работа с семьей, то мы передаем информацию в органы опеки. А так мы не вторгаемся на территорию семьи (социальный работник Центра «Семья»).

Да, сложно, когда видишь, что, действительно, есть проблемы.... Да не можем мы никак воздействовать на них, не можем. Я же не схвачу ее за руку, не поволоку за собой, право на неприкосновенность жилища никто не отменял. И вообще, у нас нет прав, чтобы оказывать на семью давление (социальный педагог Центра «Семья»).

Иными словами, при выявлении неблагополучной семьи специалисты не всегда вправе или в силах повлиять на ситуацию, за исключением передачи данных в другие инстанции (органы опеки, милиция). Однако вмешательство милиции и органов опеки носит прежде всего карательный характер, что не гарантирует результат в работе с семьей. К тому же работники таких структур не всегда оперативно реагируют на заявления:

Ну, нет, нет, не всегда они, конечно, к нам прислушиваются. У нас, когда еще в отделении нашем, районном, был другой рабочий состав, так и вообще могли сказать: «Не учите нас работать» или: «Идите сами, вам же надо». Сейчас, ко-

нечно, такого нет, они стараются сотрудничать, но они слишком загружены, чтобы наши запросы вовремя отслеживать (социальный педагог Центра «Семья»).

Центр «Семья» сотрудничает с женскими консультациями, что позволяет выявлять риски потенциальных отказов, как только мать встала на учет в консультацию. Эта практика достаточно уникальна по причине, во-первых, традиционных межведомственных разрывов, а во-вторых, из-за новых правовых барьеров, выстроенных законом о персональных данных [11].

В рассматриваемом случае происходит двусторонний обмен информацией: Центр «Семья» сообщает в консультацию о выявленных беременных, которые отказываются встать на учет. Работа ведется не только с несовершеннолетними беременными, но и взрослыми женщинами, оказавшимися в трудной жизненной ситуации. Как только случай выявлен, он попадает в сферу внимания одновременно и Центра «Семья», и женской консультации. Как правило, беременная женщина, находящаяся в тяжелой жизненной ситуации, не имеет ресурсов (материальных, социальных) для ее разрешения и поэтому охотно принимает помощь со стороны квалифицированных специалистов. При работе с женщиной и ее ближайшим социальным окружением используются инновационные технологии, заимствованные из скандинавской модели социальной работы, в том числе Сеть социальных контактов и Интенсивная семейная терапия.

Результаты взаимодействия Центра «Семья» и женской консультации, с использованием названных технологий, подтверждают примеры из практики специалистов.

Пример 1. После постановки на учет в женскую консультацию Марина больше там не появлялась. Участковый акушер-гинеколог, посетив ее через некоторое время, выявил, что она одинока и страдает алкоголизмом. Сведения о ней были переданы специалистам Центра «Семья», которые посетили эту женщину на дому. В результате обследования жилищно-бытовых условий ей была предложена программа помощи, на которую Марина согласилась. Основной целью программы было лечение девушки от алкогольной зависимости. Одновременно с этим программа включала в себя применение технологии «Сеть социальных контактов». Благодаря методике выяснилось, что Марина не одинока, у нее есть семья, с которой она не общается по причине своей зависимости. На следующем этапе реабилитационной программы применялась Интенсивная семейная терапия. И практически на первой же встрече Марины со своей семьей был достигнут положительный результат: мать и отец девушки ощутили ответственность за дочь и за будущего внука, возобновились теплые семейные отношения. Одновременно с прохождением реабилитации она посещала и врача женской консультации. После родов, которые прошли успешно, она забрала ребенка домой. В настоящее время ведет здоровый образ жизни, заботится о ребенке, поддерживает постоянный контакт с родителями.

Пример 2. Лариса обратилась в женскую консультацию с просьбой сделать аборт. Антона — отца ребенка — она не поставила в известность о своей беременности, поскольку тот был женат. Врач женской консультации проинформировал специалиста Центра «Семья» о ситуации и направил девушку в Центр. После того как специалисты применили технологию «Сеть социальных контактов», девушка решила рассказать все Антону, поскольку тот был наиболее значимым социальным ресурсом. Он отказался от участия в содержании и вос-

питании ребенка, ситуация приобретала характер серьезного конфликта. Тогда специалисты Центра «Семья» предложили Ларисе и Антону пройти курс интенсивной семейной терапии. Были выявлены мотивы обоих родителей, и в итоге было принято решение сохранить беременность при условии, что Антон будет помогать своему ребенку. Во время беременности девушки специалистам Центра «Семья» удалось быстро закрепить за ней жилье, поскольку она была выпускницей детского дома. После родов девушка забрала ребенка домой, на данный момент она успешно вышла замуж и нашла работу.

Пример 3. Айгуль (выпускница детского дома) является эмигранткой из Казахстана, беременность была незапланированной, сроки аборта упущены. Она родила девочку, но материальные условия не позволили ей содержать ребенка, и он был помещен на временной основе в дом ребенка. К специалистам Центра «Семья» она обратилась в состоянии глубокого кризиса (были зафиксированы суицидальные намерения). Применяв технологию «Сеть социальных контактов», специалисты быстро определили ресурсы социального окружения: в Саратове обнаружили родственников, которые были готовы поддержать и девушку, и ребенка. Они нашли возможные решения ситуации, а администрация города выделила девушке жилье. На данный момент она имеет работу на предприятии «Мясокомбинат», ребенок устроен в ясли.

Отметим, что межведомственное взаимодействие «Центр “Семья” — женская консультация», изучаемое в нашем кейс-стади, осуществляется по неофициальным каналам, поскольку ни социальные, ни медицинские службы не имеют права разглашать информацию о клиентах (пациентах):

Проблемный момент тот... Его все-таки надо озвучить. Мы делаем запрос по предоставлению списков. Вообще, есть закон, но это уже не наша проблема, это их проблема, консультаций. Если они будут ссылаться на этот закон — эта информация закрыта — мы не сможем просто работать. На данный момент списки нам предоставляют, но в один прекрасный момент они могут нам отказать, потому что это конфиденциальная информация (социальный педагог Центра «Семья»).

Именно два этих учреждения особенно активно сотрудничают, поскольку информация, которой они обладают, взаимодополняющая: женская консультация узнает о ситуации нежелательной беременности в «неблагополучной семье» и передает эти сведения в Центр «Семья». Если же информация сначала поступает в Центр «Семья», то она передается в женскую консультацию, чтобы работа с потенциальной «отказницей» шла по нескольким направлениям.

Получается, что результативность работы зависит от налаженных неформальных отношений между социальной службой и женской консультацией. В противном случае, если такой контакт не налажен, то у социальной службы нет никаких каналов для получения этой информации. Психолог женской консультации г. Саратова, узнав о подобной практике в г. Энгельсе, крайне негативно ее охарактеризовала. Однако она же признает необходимость сотрудничества с социальными организациями:

Это надо как-то связываться с органами социальной защиты, вот, если это социально не устроенная женщина. Это они должны помогать, я же не могу сама, на свою зарплату всем помогать, это не мое, понимаете, дело.

Таким образом, коммуникация между двумя ключевыми организациями в системе профилактики социального сиротства оказывается зыбкой и не совсем

легитимной. Возможен ли такой способ правового регулирования взаимодействия этих учреждений, который отвечал бы требованиям конфиденциальности и одновременно делал возможным передачу данных от одной организации к другой? Мы сталкиваемся с дилеммой — с одной стороны, отказ от ребенка не является преступлением, и у роженицы есть право выбора, взять ребенка или оставить его государству, приемной семье; с другой стороны, легитимным является и вмешательство социальных служб и органов опеки в частную жизнь семьи. А размытые определения «трудной жизненной ситуации», «неблагополучия» или «социально опасного положения» лишь усложняют решение этой дилеммы.

Заключение

С одной стороны, налицо трудности взаимодействия ключевых учреждений, входящих в систему профилактики семейного неблагополучия, ведущего к отказам от новорожденных, а с другой стороны, сотрудничество более четко налажено в тех ситуациях, когда ребенок уже попал в систему государственных учреждений. Правда, и на этом этапе социальной депривации встречаются вопиющие разрывы межведомственного и внутриведомственного функционирования («складирование» новорожденных в детских больницах, пробуксовка семейного устройства детей с различными выявленными «дефектами» развития). Даже в самом оптимальном случае — устройстве в семью — отказной ребенок обязательно должен пройти через всю цепочку государственных учреждений: из роддома он попадает в детскую больницу, а оттуда — в дом ребенка. Как известно, ситуация значительно усложняется, если ребенок имеет какое-то заболевание или инвалидность. В этом случае он нуждается в специальном уходе, как следствие, оставаясь в медицинском учреждении значительное время. Если же заболевание тяжелое, то ребенок практически не имеет шансов на усыновление, и его жизненная траектория проходит исключительно через государственные специализированные учреждения.

Если же рассматривать ситуацию именно в ракурсе первичной, пренатальной или неонатальной профилактики, то можно сделать вывод о том, что система учреждений настроена на попадание в нее ранних социальных сирот, но не уделяет должное внимание профилактике. Система государственных учреждений, задействованных в цепи профилактики/воспроизводства социального сиротства, имеет свои ресурсы и ограничения. Основным ее ограничением является недостаточно налаженное межведомственное взаимодействие по вопросам профилактики раннего социального сиротства, приводящее к невозможности изменения ситуации в лучшую сторону на момент отказа от ребенка. В то же время сама эта система может служить хорошим ресурсом для предупреждения отказничества при налаженном взаимодействии между различными службами и акценте на раннюю профилактику, а не на уже свершившийся отказ (вместе с тем, как мы видели в «случае Айгуль», возможно изменить решение матери даже после отказа от новорожденного, если будут изменены условия ее жизни).

Отметим, что в некоторых регионах (Санкт-Петербург, Краснодарский край) в роддомах не так давно были введены ставки психолога. Специалист работает по совместительству, его вызывают в соответствующих случаях. Это крайне важная практика, но довольно редкая для отечественной системы здравоохранения и родовспоможения, хоты за рубежом во всех стационарных ме-

дицинских учреждениях есть «клинические», или «медицинские соцработники», оказывающие социально-психологические услуги пациентам. В ряде регионов России (Екатеринбург, Санкт-Петербург, Хабаровск) успешно действуют службы по профилактике отказов от новорожденных детей при родильных домах. Алгоритм действия при оказании услуг целевой группе — новорожденным из группы риска по социальному сиротству и их матерям, нуждающимся в помощи, — включает в себя три этапа: родильный дом, грудное отделение детской больницы и семью [16].

В целях модернизации системы профилактики социального сиротства можно предложить следующие шаги, касающиеся центров «Семья» и женских консультаций. Налаживание четкого межведомственного взаимодействия центров «Семья», женских консультаций, роддома, грудного отделения детской больницы и семьи — это основное требование эффективной работы в сфере ранней профилактики социального сиротства (отказничества). Как уже упоминалось ранее, необходимы такие меры законодательного характера (хотя бы на уровне муниципалитета), которые делали бы возможным официальную передачу данных из одного учреждения в другое в целях оперативного вмешательства в кризисную беременность.

При работе с кризисной ситуацией в семье необходимо применять новые адаптированные методики (Сеть социальных контактов, Сетевые встречи, Интенсивная семейная терапия), поскольку носителем социальных проблем является не только женщина, планирующая отказ, но и ее социальное окружение. При взаимодействии специалистов с женщиной (или с семьей в целом) должны прорабатываться все возможные варианты решения проблемы, но клиент при этом сам выбирает, какой вариант наиболее приемлем для него в конкретной жизненной ситуации. Внедрение новых технологий и распространение лучших практик, очевидно, невозможно без развития конструктивного межсекторного диалога, ведь во многом именно благодаря международным и межрегиональным связям в рамках проектной деятельности открываются новые возможности, появляются новые навыки и идеи.

Библиографический список

1. Бреева Е. Б. Социальное сиротство: Опыт социологического обследования // Социол. исслед. 2004. № 4.
2. Брутман В. И., Варга А. Я., Хамитова И. Ю. Влияние семейных факторов на формирование девиантного поведения матери // Психол. журн. 2000. Т. 21. № 2.
3. Выступление Е. Б. Мизулиной // Проблема законодательства, регулирующего положения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: Стенограмма парламентских слушаний Комитета Государственной думы по вопросам семьи, женщин и детей. <http://sirotstvo.ru/files/1201/GD150508.doc>
4. Выступление О. В. Шараповой // Проблема законодательства, регулирующего положения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: Стенограмма парламентских слушаний Комитета Государственной думы по вопросам семьи, женщин и детей. <http://sirotstvo.ru/files/1201/GD150508.doc>
5. Детские пособия хотят увеличить. <http://www.rambler.ru/news/russia/0/12721015.html>
6. Исупова О. Отказ от новорожденного и репродуктивные права женщины // Социол. исслед. 2002. № 11.

7. Лебедева Н. Отверженные: Кто поможет детям-сиротам вырасти полноценными людьми? <http://www.rg.ru/2007/02/08/siroti.html>
8. Овчарова Л. Н. Бедность и экономический рост в России // Журн. исслед. соц. политики. 2008. Т. 6. № 4.
9. О государственной социальной помощи малоимущим семьям и малоимущим одиноко проживающим гражданам: Закон Саратовской области № 68-ЗСО от 22 декабря 2004 г. // <http://www.mzsp/laws/.ru>
10. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: Федеральный закон № 256 от 29 декабря 2006 г. <http://www.semya2008.ru>
11. О персональных данных: Федеральный закон № 152-ФЗ от 27 июля 2006 г. // СПС «Консультант Плюс».
12. Об организации и осуществлении деятельности по опеке и попечительству в отношении несовершеннолетних: Письмо Министерства образования РФ № АФ-226/06 от 25 июня 2007 г. <http://www.garant.ru/law>
13. Откуда в России сироты? // Аргументы недели. 2006. № 22. 5 сент.
14. Программы поддержки семьи — успешный Российский опыт. <http://www.fireflykids.org/storage/firefly/documents/PART.2.Firefly.Duma.for.website.pdf>
15. Солодников В. В. Социально-дезадаптированная семья в контексте общественного мнения // Социол. исслед. 2004. № 6.
16. Трушкина С. В. Проблема отказов от новорожденных детей // Соц. работа. 2006. № 3. <http://nashideti.org/content103.html>

И. Э. Петрова

ЖЕНСКИЕ ЛИЦА ХРИСТИАНСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

В настоящее время социальное служение христианских церквей развивается, становясь все более высокорганизованным и структурированным. В современной российской литературе уже достаточно прочно укоренилось понятие диаконии в качестве иностранного аналога категории *социальное служение*. Правда, авторы, ориентированные на исследование существующего опыта протестантской диаконии, используют это понятие как синоним термина *социальная работа церкви* [7, 9]. Российские исследователи в научных публикациях последних пяти лет противопоставляют хаотичную благотворительность системному социальному служению различных конфессиональных организаций, например, говоря о профессионализации того или иного вида социальной работы [7, 13, 16]. В своей статье я намерена использовать понятие конфессиональной социальной работы в следующем определении. Конфессиональная социальная работа — это профессиональная социальная работа, организованная представителями конфессиональных учреждений. Этот термин я буду применять для проведения сравнения со светской социальной работой — профессио-

нальной деятельностью представителей государственных и негосударственных (внерелигиозных) учреждений в сфере социальной работы [14, 15].

Конфессиональная социальная работа отличается от светской не только тем, что она проходит в стенах церквей и религиозных организаций, но и тем, что имеет теологическое обоснование. Прежде всего, я предполагаю рассмотреть социальную работу христианских конфессий.

В конфессиональной социальной работе самым важным действующим лицом будет признан Бог, а Его откровение, изложенное в Священном Писании, представит истинное понимание нужд клиента. Социальный работник и клиент в рамках конфессиональной социальной работы могут оказаться связанными не иерархической связью, как в светской социальной работе, но братской (сестринской), если они верующие, воцерковленные люди. Социальный работник в ситуации конфессиональной социальной работы подотчетен Богу, руководству церкви и своему клиенту как брату (сестре) в Господе. С одной стороны, это уравнивает социального работника и клиента в положении церковной иерархии, с другой стороны, не позволяет клиенту быть пассивным иждивенцем, т. к. и он, в свою очередь, подотчетен Богу, братству и руководству церкви. Теологические основы определяют и участие женщин в конфессиональной социальной работе. Представительство женщин в конфессиональной социальной работе не менее велико, чем в светской, а главные руководящие должности занимают мужчины (братья, как правило, в чине диакона, пресвитера и других).

Процесс институционализации конфессиональной социальной работы нельзя еще считать завершенным, но развитие ее во всем мире происходило одновременно со светской социальной работой. В России этот процесс был практически прерван в 1917 г., но восстанавливается сейчас. Кроме того, конфессиональная социальная работа в России реинституционализируется сформированными темпами, имея возможность заимствовать опыт прошлых десятилетий у религиозных организаций стран Запада. Пока не закончен процесс периодизации истории конфессиональной социальной работы, нижней границей отсчета примем 80-е гг. XIX в., когда впервые было сформулировано понятие *социальная работа*.

Несомненно, социальные учреждения при религиозных организациях существовали и до этого времени, и деятельность персонала уже имела профессиональные черты, но в тот период эти явления еще не имели научного осмысления, поэтому в своей работе я уделяю внимание в основном развитию конфессиональной социальной работы в XX и XXI вв. в России.

Одной из концепций исследования процесса развития конфессиональной социальной работы в России является гендерный подход, позволяющий изучить участие женщин и мужчин в практике социальной работы, формирование гендерных ролей работников и клиентов, проанализировать теологические основы включенности женщин в социальную работу церкви.

На мой взгляд, прежде всего следует обратить внимание на формы, в которых может быть выражено участие женщин в церковной деятельности, в частности социальной работе церкви. В последнее время возникают различные мнения, в том числе и в среде теологов, о возможности участия женщин в церковной деятельности и богослужении. Либеральные христианские богословы допускают полное равноправие женщин и мужчин в делах церкви, тогда как наиболее орто-

доксальные ограничивают женщин рамками «сестринской деятельности». Примером таких крайних позиций может служить одна из поместных общин либеральных протестантов в Нижнем Новгороде, в которой в определенный период все руководящие должности были заняты сестрами. С другой стороны, еще в советское время были общины, в которых сестрам не допускалось даже петь в церкви из-за определенного толкования слов Священного Писания.

Современное ортодоксальное христианское богословие в православной, католической и основных протестантских традициях достаточно подробно обосновывает понимание места и роли женщины в церкви. Назову только наиболее важные для нашего исследования моменты развития взглядов о положении роли женщин в христианстве.

Так, Е. Шевцов-Саханевич представляет анализ теологического подхода православия к определению места и роли женщины в церкви. Он считает, что во второй половине XX в. именно «внецерковные люди» стали поднимать вопрос о том, что мужчины и женщины в христианстве не равны в правах (например, вход в алтарь, участие в богослужении). И, конечно же, основным пунктом полемики стала возможность (или отсутствие ее) рукоположения женщин в священный сан. Исследователь в качестве примера называет такое явление, как движение «феминистствующих богословок». По его мнению, именно западному христианству пришлось первым давать ответ на подобные вопросы. Это связано со спецификой процесса секуляризации общества именно в странах Западной Европы в XX в. И православная церковь за рубежом (РПЦЗ) столкнулась с этими вопросами, но чуть позже. Е. Шевцов-Саханевич упоминает Всезарубежный собор Русской православной церкви за границей, прошедший в мае 2006 г. в Сан-Франциско (США), в ходе которого женщины, активно участвующие в церковно-приходской жизни, составили письмо к главе Русской православной церкви за границей митрополиту Лавру с просьбой пересмотреть вопрос о правах женщин в церкви, прежде всего предоставить им право голоса [16].

Н. Леонтьев считает, что проблема обостряется потому, что женщины составляют основную часть мирян, а небольшое число мужчин с трудом покрывает потребность в духовенстве и церковнослужителях [10]. Последней новостью в этом вопросе стало решение англиканской церкви Великобритании о разрешении рукоположения женщин в сан священнослужителя.

В настоящее время и в российском христианстве, и в церквях стран СНГ активно обсуждаются вопросы о роли женщин в церкви. Так, одной из иллюстраций мог бы послужить факт посвящения полного номера журнала «Ступени» Минской духовной семинарии обсуждению примеров участия женщин в церковной деятельности. Среди тем, предложенных читателям журнала, следует, на мой взгляд, выделить такие: «Женщина в Православной Церкви» (тема номера), «Женщина в Ветхом Завете», «Христос и женщины», «Женщины в апостольской Церкви», «Святые Женщины и власть», «Секулярный феминизм».

Слово главного редактора в этом номере также обращает читателя к самому процессу постановки вопросов о месте и роли женщин в церкви. Е. Сви-дерский, главный редактор журнала «Ступени», считает, что волны движений женщин за свои права стали проникать и в церковь, но только со стороны внешнего мира [12].

В итоговом документе Межправославной богословской консультации «Место женщины в Православной Церкви и вопрос о хиротонии женщин», проходившей в 1988 г. в Греции, отмечается, что церковь подтверждает невозможность получения женщинами специальной хиротонии.

Богословами православия на этой конференции признается тот факт, что сейчас растет число женщин, которые являются дипломантами богословия и прочих областей знания. Это создает в церквях новую реальность, которую церковь призвана конструктивно оценить. В результате активность православных женщин призвали направить в русло преподавания, а также служения и пастырского попечения о людях при условии благословления специальным церковным актом. Также способные и харизматичные монахини могли бы, как считают современные теологи православия, одновременно со своим подвигом в обители находиться на приходе и оказывать особое попечение о церкви. Особое внимание, по мнению делегатов конференции, следует обратить на призвание супруги священника, т. к. оно переплетается с жизнью современного общества. Апостольский чин диаконис, как отмечено в документе, следует возродить. В качестве комментария, авторы добавляют, что в православной церкви этот чин никогда не оставляли полностью, хотя была тенденция считать его ненужным [6].

Следует отметить, что формы участия женщин в конфессиональной социальной работе представлены в современной российской научной литературе весьма неравномерно. Так, о женском монашестве в России, как правило, пишут в случаях реконструкции монастырей или в связи с практикой воспитания детей-сирот в стенах монастыря. Другие практики социальной работы, возможные в монастыре, не получили еще достойного осмысления. Призванию матушки — жены священника, которая влияет на жизнь прихода, посвящены совсем немногочисленные публикации. Как правило, это краткие заметки или интервью о жизни семьи священника. В качестве одного из хороших примеров я привела бы интервью «Профессия — матушка» с Ольгой Бернардовной, женой священника Виктора Куркина, настоятеля храма иконы Казанской Божьей Матери в поселке Янтарный Калининградской области. Автор статьи Людмила Козельцева достаточно полно определяет роль женщины в подобном призвании: по ее мнению, это служение, хотя о нем и не упоминает богословие, существует тысячелетия. Оно подразумевает роль не только жены, хозяйки дома и хранительницы очага, многодетной матери, воспитательницы, помощницы священника, благотворительницы и общественного деятеля, но и красивой женщины [8].

В то же время о служении диаконис можно найти большое число научных работ. Этот вопрос оказался весьма актуальным и для христианских теологов, и для исследователей социального служения церкви.

Для определения понятия *диакониса* сравним словарные статьи, посвященные этому вопросу, в нескольких источниках. В одном из словарей этот термин определяется так. Диаконисами «назывались в древней церкви лица, назначенные для надзора за принадлежавшими к ней женщинами и получившие для прохождения этого служения посвящение.

Служение диаконис состояло в следующем: они приготавливали женщин к крещению, уча, как и что они должны отвечать на вопросы совершающего крещение и как должны вести себя после крещения; помогали епископу при

крещении женщин и вместо него делали помазание частей тела, за исключением лба; смотрели за дверью, в которую входили женщины в церковь, расставляли их по местам и наблюдали, чтобы они в церкви вели себя благочинно; присутствовали при беседах епископов, пресвитеров и диаконов с женщинами; заботились о благотворительности по отношению к женщинам и прочее» [2].

Энциклопедия «Кругосвет» определяет это понятие следующим образом:

«Диакониса — это церковный сан женщин (соответствует сану диакона у мужчин), распространенный в раннехристианской церкви. В круг обязанностей диаконис входила церковная работа с женщинами; они были привратницами в церквях, помогали священнику при крещении женщин, осуществляли милосердную деятельность по отношению к женщинам. Институт диаконис существовал в Восточной церкви вплоть до эпохи Средневековья, в Западной же церкви постепенно исчез к X в. Сан диаконис возродился в “сестрах милосердия” в немецком протестантизме и в церковных служительницах в Англиканском сообществе и других деноминациях. Диаконисы посвящаются особой молитвой и благословением, но не обладают священнической властью» [3].

Энциклопедия архимандрита Никифора представляет еще одну характеристику диаконис:

«Во времена гонений на христианство диаконисы иногда служили мученикам и мученицам в темницах, когда благоразумие не позволяло делать подобные поручения диаконам» [17].

Итак, представленные определения достаточно удачно дополняют друг друга. Служение диаконис определено очень подробно, считалось весьма важным, отбор кандидатов на должность был очень тщательным. Более полно в настоящее время служение диаконис восстановлено в протестантских деноминациях.

Русская православная церковь подходила к решению вопроса о поставлении диаконис в начале XX в., а потом уже, через сто лет, в начале 2000-х гг. Этот вопрос, хотя и признавался весьма актуальным, еще не был окончательно решен положительным образом [1].

Представляет интерес исследовать, существует ли возможность возрождения исконного чина диаконис или же трансформации его соответственно существующей реальности. Обратимся к работам российских исследователей, в частности А. В. Постернака. Им предложен очень тщательный анализ участия женщин в медико-социальной работе христианских конфессий в России и за рубежом за весь период существования этой работы.

В книге «Очерки по истории общин сестер милосердия» А. В. Постернак представляет авторскую периодизацию этапов развития социального служения женщин в церквях. Он описывает историю служения диаконис от первоапостольской церкви. В некоторых церквях их число было весьма значительным, доходило до 40 человек. Однако, по мнению автора, источники того времени представляют случаи попыток узурпации церковной власти женщинами и обращения их в ереси. Так, в Византии возникла угроза еретического искажения женского служения и его перерастания в женское священство. В результате диаконисы были запрещены. В дальнейшем ни в католической, ни в православной церкви служение диаконис не возобновлялось. Однако церковное слу-

жение женщин после исчезновения диаконис не прекратилось. Оно обогатилось идеей создания общины, которая бы занимала некое промежуточное положение между мирским союзом и монастырем. Как результат, женщины начали создавать собственные общины. Постернак приводит в качестве основного течения общины бегинок. Следующим значительным явлением в развитии сестринского служения, по мнению автора, стали сестры католического священника Винсента де Поля.

Неожиданное, по мнению автора, возрождение организации диаконис в XIX в. в Германии связано с именем Теодора Флиднера, в 22 года ставшего протестантским пастором города Кайзерсверта неподалеку от Дюссельдорфа. Как пишет А. В. Постернак, диакониса обязывалась трудиться в общине в течение пяти лет, но она не была связана каким-либо обетом и могла в любой момент покинуть общину, а также выйти замуж.

Деятельность сестер Винсента де Поля и диаконис пастора Флиднера предварила возникновение профессионального сестринского ухода, начало которому положила Флоренс Найтингейл. Она совместно с другими специалистами, выработала номенклатуру болезней и схемы для больничной отчетности, которые были приняты крупными лондонскими больницами. В 1860 г. Флоренс Найтингейл опубликовала «Записки об уходе: каков он есть и каким не должен быть» и в этом же году организовала собственную школу для обучения сестер по уходу.

А. В. Постернак утверждает, что в России до XIX в. не существовало специальных учреждений, занимавшихся уходом за больными. В качестве первых попыток он упоминает создание в Москве и Санкт-Петербурге Вдовьих домов. При этих домах были созданы отделения сердобольных вдов. Как пишет автор, для ухода за больными сердобольные командировались по очереди в больницы и частные дома.

Начало истории русских общин сестер милосердия исследователь по традиции связывает с Крымской войной и подчеркивает, что уже к 1915 г. в России существовало 115 общин, находившихся в ведении Общества Красного Креста, кроме того, сестры состояли при трех местных управлениях и двух комитетах Российского общества Красного Креста (РОКК), евангелическом госпитале и четырех иностранных больницах Петрограда.

Автор упоминает, что в связи с упадком деятельности РОКК очень ярким явлением стало основание Марфо-Мариинской обители в начале XX в. По его мнению, эта обитель представляла собой не просто организацию по уходу за больными, а целое явление, подведшее итог краткому периоду существования в России общин сестер милосердия. Как утверждает А. В. Постернак, деятельность обители выходила за рамки, установленные Красным Крестом для общин сестер милосердия. Более того, великая княгиня Елизавета Федоровна рассматривает деятельность сестер обители как восстановленную форму служения диаконис. На Соборе 1917—1918 гг. чин диаконис не восстановили, хотя и было принято определение о расширении деятельности женщин в церкви.

Автор исследует очень интересную форму полумонашеского-полусветского женского служения в церкви и отмечает, что оно никогда не имело твердого статуса и, как правило, распадалось на исходные составляющие: светское

и монашеское. Он полагает, что хранителями религиозных традиций ухода становятся главным образом монашеские организации. В связи с этим, по его мнению, весьма показателен пример знаменитой матери Терезы.

Как отмечает А. В. Постернак, в современной России медико-социальная работа признается сугубо профессиональным занятием, основанным на общегуманитарных принципах, а конфессиональная составляющая почти забыта. Однако в России возникают общины нового типа, основанные на религиозных принципах. В качестве примера он приводит первое в современной России православное медицинское учреждение — Свято-Димитриевское училище сестер милосердия, в котором, помимо директора, руководство училищем в духовном плане осуществляет священник [11].

В своем интервью, данном православному журналу о делах милосердия «Нескучный сад», А. В. Постернак в ответ на вопрос об актуальности служения диаконис отмечает, что церковь «сама отсекает то, что становится ненужным». Он считает, что сейчас возникают новые формы женского служения и приводит в пример сестричества. По мнению А. В. Постернака, это совершенно новое явление, отражающее реалии современной православной церковной жизни. Подытоживая деятельность сестричеств, он выделяет следующее: сестры могут быть замужними; они не дают строгих обетов, ухаживают за больными на добровольных началах и должны вести неформальную церковную жизнь, требующую духовного подвига. Таким образом, по мнению А. В. Постернака, современные общины сестер милосердия в полной мере берут на себя наиболее необходимые для современной церкви функции диаконис. Именно поэтому ему представляется неправильным создание нового церковного чина, т. к. церковная иерархия предполагает все-таки не социальное, а церковное служение [4, 11].

Представляет интерес исследовать служение диаконис не только в лоне РПЦ. Весьма плодотворную деятельность диаконисы вели и ведут в евангелическо-лютеранской церкви (ЕЛЦ) России. Е. Дякива приводит примеры служения диаконис ЕЛЦ на территории России до революции и в настоящее время. В своем обзоре исторических публикаций о служении ЕЛЦ в России она упоминает первые дома диаконис на территории Российской империи. Так, первый евангелический госпиталь в Петербурге был основан в 1859 г. Как отмечает автор, в качестве пациентов принимались не только немцы и люди, принадлежащие к евангелическому вероисповеданию, но и «все конфессии и нации». Впоследствии дома диаконис были основаны и на юге России. Е. Дякива отмечает, что после длительного перерыва деятельность женщин в церкви расширилась. Они могут сейчас изучать теологию, вести проповедническую, душепопечительскую, преподавательскую, воспитательную и административную работу [5].

Таким образом, в настоящее время вопрос о месте и роли женщины в церкви является весьма актуальным. Понимание возможностей служения женщин теологически обосновано практически во всех современных христианских конфессиях. Как правило, принято разграничивать церковное служение, к которому женщины не всегда имеют доступ, и социальное, в котором их роль была и будет весьма важной. В настоящее время имеются примеры служения диаконис в протестантских церквях, а в Русской православной церкви этот вопрос еще обсуждается. Некоторые исследователи признают, что формы сест-

ричеств более отвечают современной реалии, чем ортодоксальный чин диако-
нисы. Кроме служения диаконисы, конечно же, нужно не забывать о монаше-
ском служении, служении супруг священнослужителей на приходах и просто
активности женщин из мирян.

Библиографический список

1. *Беляковы Е. В. и Н. А.* Диаконисы в Русской православной церкви // История. 2002. № 9 [on-line/доступ 14.06.08 через <http://his.1september.ru/articlef.php?ID=200200901>]
2. *Диакониса:* [Слов. ст.] // Телешкола: Словарь [on-line/доступ 14.06.08 через www.internet-school.ru/Enc.ashx?item=3234 - 14к]
3. *Диакониса:* [Слов. ст.] // Кругосвет: Энцикл. [on-line/доступ 24.06.08 через www.krugosvet.ru/articles/32/1003296/1003296a1.htm - 14к]
4. *Диаконисы: между монастырем и миром: (Интервью с А. В. Постернаком)* // Нескучный сад: Православный журн. о делах милосердия. 2008. № 2 (9) [on-line/ доступ 2.06.08 через <http://www.mnpu.ru/i006/mkr/soc-prava/med-soc-exp/Posternak.htm>]
5. *Дякива Е.* Первые дома диаконис в России [on-line/доступ 15.05.08 через http://elkras.com/jenskaya_rabota_v_elc/byl_bolen.jdx]
6. *Женщина в православной церкви* // Ступени: Журн. Минских духовных школ. 2005. № 3 (19) [on-line/доступ 14.06.08 через http://minds.by/stupeny/nomera/19/st19_23.html]
7. *Клишова Г.* Профессионализация патронажных служб в Покровском сестричестве (С.-Петербург) // Милосердие и благотворительность: Диакония. [on-line/доступ 14.06.08 через www.hoffnung-fuer-osteuropa.de/downloads/brot.fuer.die.welt.pdf]
8. *Козельцева Л.* Профессия — матушка // СПАС. 2008. № 6 (39). Июнь [on-line/доступ 14.07.08 через <http://www.ubrus.org/newspaper-spas-article/?id=417>]
9. *Крючкова М.* Марфо-Мариинская обитель милосердия: история и современность диаконической работы // Милосердие и благотворительность: Диакония [on-line/доступ 24.06.08 через www.hoffnung-fuer-osteuropa.de/downloads/brot.fuer.die.welt.pdf]
10. *Леонтьев Н.* Церковное служение женщины // Собрание: Молодежный православный миссионерско-просветительский журн. [on-line/доступ 14 06 08 через www.sobranie.org/]
11. *Постернак А. В.* Очерки по истории общин сестер милосердия [on-line/доступ 14.06.08 через www.mnpu.ru/i006/mkr/soc-prava/med-soc-exp/Posternak.htm - 304к]
12. *Свидерский Е.* Слово главного редактора // Ступени: Журн. Минских духовных школ. 2005. № 3 (19) [on-line/доступ 14.06.08 через <http://minds.by/stupeny/nomera/19/title.html>]
13. *Социальная политика и социальная работа: гендерный подход / Под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой.* М., 2003.
14. *Социология гендерных отношений / Под ред. З. Х. Саралиевой.* М., 2004.
15. *Тартаковская И. Г.* Гендерная социология. М., 2005.
16. *Шевцов-Саханевич Е.* Женщина в Церкви: Католический форум у Заглобы [on-line/ доступ 15.06.08 через <http://forum.catholiconline.ru/index.php?showtopic=2391>]
17. *Энциклопедия архимандрита Никифора* [on-line/доступ 25.06.08 через jesuschrist.ru/lexicon/NikiforEncyc]

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА

Н. А. Нартова

ГЕНДЕРНЫЙ КОНТРАКТ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И НЕКОНВЕНЦИОНАЛЬНЫЕ ГЕНДЕРНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

Социальные исследователи разрабатывают множество комплексных аналитических концепций, позволяющих описывать доминирующие типы гендерных отношений: гендерный порядок, гендерные режимы и т. д. Одной из самых плодотворных идей, способствующих пониманию тех основных осей и направлений, по которым производятся субъекты, формируются гендерные идентичности и роли, легитимные типы гендерных взаимодействий и субординации, является концепция гендерного контракта. Категория *гендерный контракт* стала феминистской реакцией на существующее в политической философии понятие *общественный договор*, позволившее в Новое время переопределить патриархальные властные отношения и выстроить новые формы политического взаимодействия и государственного управления. Однако, как указывает философ-теоретик Карол Пейтман, общественный договор — это сексуально-социальный пакт, хотя сексуальная сторона договора всегда замалчивалась [11, с. 1]. *Общественный договор*, ставший воплощением идеи мужского равенства и братства, обеспечивал установление соответствующего мужского порядка за счет исключения и подавления женщин, отчасти с добровольного согласия последних. Таким образом, была произведена субординация в социальном и сексуальном контекстах. Соответственно, для современных гендерных и феминистских исследователей стала необходимой дальнейшая разработка категории контракта как гендерного, а именно описание доминантных типов отношения между полами и их динамики [9, с. 4]. Особенно активно в рамках данного подхода исследования проводились скандинавскими учеными в 90-х гг. [там же], а чуть позже аналитический потенциал идеи гендерного контракта был подхвачен и российскими исследователями.

В социологических исследованиях гендерный контракт «описывается как правила взаимодействия, права и обязанности, определяющие разделение труда по признаку пола в сферах производства и воспроизводства, и взаимно ответственные отношения между женщинами и мужчинами» [там же]. Более того, по мнению Анны Темкиной и Анны Роткирх, гендерный контракт является не

взаимодействием равноправных партнеров, а компромиссом соглашений между агентами с разными властными позициями в публичной и приватной сферах [9, с. 5].

Несмотря на то, что исследователи указывают, что «гендерный контракт включает институциональное обеспечение, практики и символические репрезентации гендерных отношений, ролей и идентичностей в конкретных культурно-исторических контекстах, в него также включаются социальная регуляция и репрезентация сексуальности» [там же, с. 4]; они акцентируют свое внимание преимущественно на разделении труда, прав и обязанностей в публичной и приватной сферах [там же]. Актуализация разделения труда и социальных ролей проблематизирует «социальную» сторону гендерного контракта, оставляя за скобками «сексуальную» — как существующий договор о существовании индивидов как женщин и мужчин.

Мы считаем, что гендерный контракт, представляет собой сложную форму «договора», включающую сексуальный и социальный контракты. Первая часть предполагает существование «гендерированных» индивидов, вторая — социальную субординацию между ними. Нарушение какого-либо пункта вызовет целый ряд социальных санкций и востребует тот или иной тип нормализации «проблематичных» контрактов.

Сексуальный контракт: производство «мужчин» и «женщин»

Сексуальный контракт предполагает социальное производство индивидов как мужчин и женщин с определенным типом сексуальности. Сексуальный контракт представляет собой структуру значений, а не биологическую или божественную данность, в рамках которой формируется субъект и вне которой не может быть помыслен. Именно в силу своей «базисности» сексуальный контракт зачастую предстает как предшествующий любым социальным отношениям и независимый от культурного производства. Антрополог Гейл Рубин одна из первых указала на то, что в культуре не только производятся «мужчины» и «женщины», но и что их сексуальность регламентируется через вмененность им определенного типа сексуальных отношений. Исследуя так называемые «примитивные» сообщества, в которых сложные системы родства базируются на двух очень важных факторах — обмене женщинами и запрете инцеста, необходимых для образования «широкой сети отношений множества людей, чьи связи друг с другом составляют структуру родства» [8, с. 103], Рубин показала, что эффективность системы «обмен дарами-женщинами — заключение брака — родственные сети» поддерживается: 1) разделением труда между полами; 2) запретом на гомосексуальность; 3) подчинением и ограничением сексуальности женщин субъектами обмена (мужчинам). Таким образом, по мнению Рубин, табу на одинаковость мужчин и женщин (проявившееся в разделении труда), которое разделяет мужчин и женщин на две взаимоисключающие категории, усиливая биологические различия между полами, создает гендер. А гендер — это не только идентификация с каким-то одним полом, но предписанное направление сексуального желания на другой пол, т. е. гетеросексуальность [там же, с. 109]. Таким образом, Рубин демонстрирует, что в ходе становления общества биологические

различия индивидов были социально и культурно оформлены и произошло конституирование индивидов как «мужчин» и «женщин», причем совершенно отличных друг от друга. Более того, гендер включил в себя и гетеросексуальность как возможность сексуального взаимодействия между «полами».

Феминистский теоретик Джудит Батлер указывает на то, что в культуре субъект не может быть помыслен вне структуры «пол — гендер — желание». Она считает, что пол конституируется через телесные маркеры от(раз)личия, а «гендер может быть понят как значение, которое присваивает себе уже обладающее половыми отличиями тело» [2, с. 308—309]. Таким образом, на основе определенного «пола» тела телу приписывается/присваивается гендер. При этом гендер как значение может существовать «только в соотношении с другим, противоположным значением» [там же, с. 310]. Это не только укрепляет бинарную неоспариваемую структуру пола: «...некто является существом одного рода в той степени, в которой этот некто не является существом противоположного рода, то есть эта формулировка предполагает замыкание в бинарной паре» [там же, с. 325], но и вызывает к жизни гетеросексуальность как единственную легитимную и возможную форму взаимодействия и направленности желания: «...внутренняя взаимосвязь или единство обоих культурно сконструированных полов — мужского и женского — требует одновременно постоянной и оппозиционной гетеросексуальности. Таким образом, оформившаяся гетеросексуальность одновременно нуждается в однозначном определении каждого из гендерно структурированных элементов, что составляет предел возможностей гендерного структурирования в рамках оппозициональной, бинарной гендерной системы и производит ее» [2, с. 325—326].

Батлер объясняет производство индивидов в современной культуре, которое обозначает как «гетеросексуальную матрицу». Это матрица зиждется на единстве и взаимосвязи трех элементов «пола» — «гендера» — «желания». На основании признания существования двух полов — мужского и женского — индивиду, маркированному тем или иным телом, присваиваются гендер как структура (телесного) воплощения «мужественности» или «женственности» и гетеросексуальное желание. Эта культурная матрица гегемонна и фундаментальна и предполагает существование индивида как личности только в ее рамках: «личности становятся доступными пониманию, только обретая культурно конституированный пол в соответствии с легко узнаваемыми стандартами гендерной интеллигибельности» [там же, с. 318].

Радикализирует подобную точку зрения Моника Виттиг, которая объясняет историческую конструкцию гендера именно через гетеросексуальность: «Категория пола — это политическая категория, которая основывает общество как гетеросексуальное. И как таковая она определяет не живое существо, но только взаимоотношения (так как женщины и мужчины — это результат взаимоотношений)» [3, с. 23]. Виттиг вводит категорию гетеросексуального контракта. В основании современного общества, говорит она, его символических, экономических и прочих систем лежит гетеросексуальность, которая организует и конструирует «мужчина» и «женщина», и их взаимодействия. Базовый гетеросексуальный контракт принадлежит некой додискурсивной области и формирует образ нашего мышления и действия: «В этой системе мышления отказ от обязательно-

го соития и от произведенных этой обязательностью институтов, необходимых для создания общества, просто не возможен, поскольку ... отказ от “символического порядка”, будет означать невозможность формулирования смысла, без которого никто не может сохранить внутреннюю целостность» [3, с. 43].

Таким образом, в современной культуре функционирует гетеросексуальный контракт, через структуру «пол — гендер — желание» производящий гетеросексуальных мужчин и женщин. Сексуальный контракт представляет собой структуру, вне рамок которой индивид не может ни быть помыслен, ни существовать в обществе. Индивиды же, нарушающие гетеросексуальную матрицу, оказываются нелегитимными в современной культуре и попадают под действие репрессивных механизмов, вследствие чего должны быть либо приведены в максимальное соответствие с доминирующим сексуальным контрактом, либо исключены. Так, если гермафродит может существовать как биологическое существо, то он не «выживет» в современной культуре, если не будет вписан в легитимную структуру «пол — гендер — желание», не будет определен как мужчина или женщина. Затруднительно даже общение с ребенком, если неизвестно мальчик он или девочка. Более того, явление транссексуальности показывает, что изменение «гендера» в современной культуре не легитимно без изменения пола. Индивид проблематично может существовать, если, определяя себя и действуя как, например, мужчина, обладает женским телом. В других культурах институт бердачей предполагает изменение гендера без изменения пола, но с изменением направления желания согласно новому «гендеру» [5, с. 94]. Это говорит о том, что в культурах возможны вариации регуляции ситуации, связанной с нарушением структуры, однако сама структура остается стабильной и определенной.

Таким образом, мы считаем, что в любом конкретном обществе производится и поддерживается сексуальный контракт как часть гендерного контракта. Данный сексуальный контракт представляет собой структуру «пол — гендер — желание» и конституирует человеческие «существа» как индивидов (в современной культуре как гетеросексуальных мужчин и женщин). А вот распределение прав и обязанностей гендерированных индивидов, социальных иерархий и нормативных ролевых предписаний объясняет социальная часть гендерного контракта.

Социальный контракт: работа и материнство

Гендерный контракт (как социальный) исследовательницы определяют как «контекстуально обусловленные, иерархически структурированные образцы взаимодействия полов» [9, с. 6]. Социальный контракт описывает отношения в браке, распределение обязанностей в семье, разделение труда в общественной и приватной сферах и т. д. [там же, с. 5]. Социальные контракты отличаются не только от страны к стране, но и в рамках одного государства как на протяжении истории, так и в зависимости от уровня легитимности контракта. Более того, социальный гендерный контракт зависит от социальной, культурной, экономической, политической структуры государства.

Эмансипаторная политика, ориентированная на производительный труд и мужчин и женщин (см., напр.: [4]), а также на потребность государства в рожде-

нии «новых строителей» коммунизма и его защитников, привела к становлению к 30-м гг. XX в. в СССР доминирующего социального контракта — контракта «работающей матери» [9, с. 6]. Данный контракт с частичными изменениями и переносами акцентов в разные временные периоды стал основным как для советской [1], так и постсоветской России [9]. Послереволюционное первоначальное вовлечение женщин в производство с акцентом на *работающая* переросло в позднесоветский период в контракт с акцентом на *мать*, в котором женщина становилась ответственной за воспроизводство семьи и детей, а ее трудовая карьера, хоть и была обязательной, подчинялась ее материнской роли. Сформированная в советский период концепция ответственности женщины за выживание домохозяйства и слабый институт отцовства приводят к тому, что в ситуации экономической и социальной нестабильности перестройки и распада СССР женщина становится ключевой действующей фигурой, ответственной за экономическое и физическое выживание семьи — «кто кроме меня позаботится о моих детях». Соответственно, в контракте акцент вновь переносится на *работающая*.

Контракты с иной социальной субординацией в советский период были или редки, как, например, контракт мужчины-кормильца и женщины-домохозяйки, встречавшийся в номенклатурных семьях и семьях военнослужащих, или нелегитимны, как, например, проституция.

Произошедшие в постсоветской России изменения привели, безусловно, к изменению совокупности социальных гендерных контрактов, среди которых часть трансформировалась из советских, а часть можно оценить как «новые». Среди относительно «новых» исследователи называют, во-первых, контракт карьерно ориентированной женщины, а именно появление жизненных стратегий женщин, при которых профессиональная деятельность становится ключевой, а брак и материнство откладываются на 7—10 лет, и при этом функции поддержания домохозяйства и воспитания детей переложены на рыночные средства [6, с. 224]. Во-вторых, контракт жены (матери)-домохозяйки и мужа-кормильца, иными словами, ренессанс «патриархата», ставший в постсоветский период символом благополучной западной жизни. И в-третьих, спонсорский контракт, при котором для женщины не важны ни работа, ни материнство — она использует ресурс сексуальной привлекательности и исполняет роль сексуального обслуживания, за что мужчина ее спонсирует, «содержит» [9, с. 12].

Однако доминирующим в постсоветской России является современный контракт *работающей матери* — прямой наследник советского контракта [там же]. Он сохраняет культурную нормативность обязательного материнства и обеспечения домохозяйства для женщины, однако в ситуации рыночной экономики и сложного материального обеспечения семьи заставляет женщину работать не «фиктивно», а «эффективно». Этот контракт функционирует как в рамках одинокого материнства, так и в случае семьи с двумя кормильцами, т. е. даже в относительно экономически благополучных семьях оплачиваемая занятость женщины является необходимым существенным вкладом в доход семьи. Более того, современная, постмодернистская индивидуализация, эмансипация и автономизация женщин востребует профессиональную занятость как одну из важнейших составляющих самореализации и конституирования идентичности.

Развитие моделей партнерских брачных отношений и «ответственного отцовства» идет в направлении эгалитарных моделей социального контракта, подразумевающих равное участие женщин и мужчин и в родительстве, и в профессиональной занятости при поддержке государства или рыночных механизмов, схожих с западноевропейскими моделями контрактов, переход к которым в Западной Европе произошел намного раньше. Так, переход от доминирующего в 50-х гг. контракта домашней хозяйки (и мужчины-кормильца) к контракту равенства полов (двух кормильцев) при усилении роли государства произошел в Швеции в конце 60-х гг.; переход от контракта социального материнства, в соответствии с которым от женщины ожидалось выполнение в первую очередь традиционных ролей в приватной сфере и за ее пределами, к контракту материнства, совмещенного с оплачиваемой работой, имел место в Финляндии в 60—70-х гг. В США и Великобритании в 70-х гг. распространилась модель двухкарьерной семьи плюс рыночные механизмы воспроизводства [9, с. 5].

Таким образом, мы видим, что в современной России гендерные контракты сосуществуют в совокупности: контракт работающей матери, профессиональной женщины, домохозяйки, спонсорский контракт. Однако доминирующим остается социальный контракт, предполагающий трудовую и материнскую «деятельность» женщин. Через фертильность и профессиональную занятость реализуются концепции «правильной» женщины. Отказ от материнства или предполагаемое неосуществление репродуктивных функций может привести к стигматизации, что, например, выражается в беспокойстве и тревоге вокруг чайлд-фри. Экономическая несостоятельность может и не вызвать морального осуждения, однако в обществе со слабой социальной защитой не позволит женщине выжить.

Социальные контракты как часть гендерного контракта описывают и предписывают легитимную возможность «быть женщиной» или «быть мужчиной», задавая статусы, определяя роли и ответственность. Конечно, возможны некоторые вариации в ролях и характеристиках «мужественности» и «женственности», но всегда существует высокая степень определенности и «оппозиционности». Несоответствие заданным контрактам приводит к различного рода санкциям, вплоть до уголовной ответственности: например, юридическое лишение родительских прав женщин-алкоголиков. Безусловно, доминирующий контракт — это контракт власти или доминирующей группы. В России такой группой является нарождающийся «средний» класс, декларирующий профессиональную и материнскую успешность женщины.

Социальные контракты современной России базируются на гетеросексуальном контракте, что проблематизирует исполнение доминирующих контрактов для определенных типов неконвенциональных гендерных идентичностей, а именно гомосексуальных женщин. Однако тотальное несоответствие заданному, вероятно, невозможно и требует либо расширения/переопределения совокупности социальных контрактов, либо демонстрации выполнения существующих. Для современного квазипубличного лесбийского дискурса характерно не переопределение доминирующих контрактов и создание альтернативных, а вписывание гомосексуального образа жизни в заданный нормативный контракт.

Неконвенциональные гендерные идентичности и гендерный контракт

Несмотря на существенное расширение норм, правил и образов жизни в современной России, доминирующим легитимным и нормативным социальным контрактом в нашем обществе является контракт «работающей матери», базирующийся на гетеросексуальной матрице. Как уже было сказано, соответствие доминирующим контрактам позволяет индивиду (или группе) быть легитимным, нарушение или создание альтернативных контрактов влечет за собой различные социальные санкции. В советский период именно гетеросексуальная структура сексуального контракта в условиях жестко контролируемого и идеологизированного режима, на наш взгляд, приводила к психиатрической патологизации гомосексуальных женщин и, как таковому, социальному исключению. Несмотря на либерализацию сексуальности, сейчас в публичных дебатах и в СМИ можно наблюдать репрезентацию лесбиянства как форму нарушения гетеросексуального контракта (в силу гомосексуального желаяния), что, может, и не приводит к медицинским санкциям, но конституирует гомосексуальных женщин как «не женщин», со всеми сопутствующими отказами — в женском телесном «воплощении», в материнстве и т. д. [7].

Однако у группы со стигматизированной идентичностью практически всегда есть возможность легитимизировать ее, переопределив реальность и тем или иным способом позитивно встроив собственный образ жизни в существующий социальный порядок. Российские гомосексуальные женщины в своем квазипубличном пространстве¹, а именно на интернет-сайтах, порталах, в печатных журналах и т. д., легитимируют свой образ жизни и идентичность через вписывание, вернее, через предписывание гомосексуальным женщинам соответствия/следование доминирующему гендерному контракту.

Так, в дискурсивном пространстве, декларируемом гомосексуальными женщинами, женщины-лесбиянки определяются как активные, социально и профессионально успешные женщины: «*Мы живем своей интересной и насыщенной жизнью: семья, друзья, дети, книги, фестивали, конгрессы, выезды на природу, спортивные соревнования, совместный отдых, интеллектуальные беседы, веселые чаепития*»², «*Мы — доктора, ученые, деятели искусств, бизнес-леди, топ-менеджеры крупных компаний, финансовых и государственных структур...*»³. Более того, следящие за собой и соответствующие конвенциональным представлениям о «женственности»: «*Женщина всегда, в любой ситуации должна быть стильной, сексуально притягательной, нежной и немного загадочной!*»⁴.

¹ В данной статье кратко используются результаты исследования дискурса квазипубличного лесбийского пространства в рамках диссертационного исследования автора в Европейском университете в Санкт-Петербурге в 2004—2005 гг. Эмпирическую базу составили тексты интернет-порталов и печатных изданий, производимых женщинами, идентифицирующими себя как лесбиянки и ориентирующими свой культурный продукт на гомосексуальных женщин.

² <http://lesbi.ru/health/psycholg/thoughts.html> (on-line 09.12.04)

³ VolgaVolga.com. 2004. № 1. С. 5.

⁴ <http://lesbi.ru/health/family/byt.html> (on-line 09.12.04)

При этом основная дискурсивная стратегия, описывающая лесбийские отношения, — это дискурс семьи. Отношения между партнершами номинируются семьей, сами партнерши — женами, супругами, а прекращение отношений — разводом и т. д. Длительные стабильные отношения в материалах определяются как «цель» лесбиянок; декларируется, что они и хотят, и могут «счастливо прожить жизнь и состарится вместе»⁵. При этом семья (как совместное проживание и ведение домохозяйства) номинируется как логичное продолжение отношений: «Затем вы решаете, что жить уже друг без друга не можете и решаете создать семью!»⁶, и основывается исключительно на любви: «Семья — это что-то абсолютно особенное, и чтобы прийти к этому осознанию научиться ценить — ценить и не разрушать — надо очень сильно любить свою супругу!»⁷. Семья репрезентируется как отношения открытости и доверия, в рамках которой недопустима ревность и «мимолетняя» страсть к другому человеку, поскольку это не только нарушает кодексы моногамности, но и ставит под сомнение социальную и разумную «природу» человека, вернее, лесбиянки: «И человека как такового уже нет! Есть только обезумевший зверь!»⁸. Ведь лесбийская семья, что следует из статей, призвана пронести «сквозь годы», невзирая на быт и привыкание, «романтику первовлюбленности» и «остроту чувств»⁹. «Нужное русло»¹⁰ жизни лесбиянки, включающее в себя социальную и эмоциональную «успешность»: «У вас есть семья. Вы нашли свою вторую половинку, и ваша жизнь наполнена нежностью и любовью. У вас постоянное место работы, своя квартира, вы обеспечены и ни от кого не зависимы»¹¹, завершается желанием деторождения, потому что в результате будет совершенно «полноценная счастливая семья»¹². И это все возможно, поскольку «лесбиянки такие же полноценные, в том числе и с физиологической точки зрения, женщины, которые могут и хотят иметь детей...»¹³. Более того, декларируется, что лесбиянки являются «хорошими и самыми лучшими родителями, подходят к этому вопросу осознанно и ответственно»¹⁴. Деторождение подтверждает «женскость» гомосексуальных женщин и статус их отношений как семейных. Таким образом конституируется, что гомосексуальные женщины являются и, соответственно, должны быть профессионально и социально успешными, следящими за собой женщинами, создающими длительные стабильные моногамные отношения, рожаящими и воспитывающими детей.

Такое конструирование женского гомосексуального образа жизни является соответствием/встраиванием лесбиянства в доминирующий гетеросексуаль-

⁵ <http://lesbi.ru/health/family/romanse.html> (on-line 09.12.04)

⁶ <http://lesbi.ru/health/family/revn.html> (on-line 09.12.04)

⁷ <http://lesbi.ru/health/family/agression.html> (on-line 09.12.04)

⁸ <http://lesbi.ru/health/family/byt.html> (on-line 09.12.04)

⁹ <http://lesbi.ru/health/family/baby.html> (on-line 09.12.04)

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² <http://www.lesbiru.com/family/baby.html> (on-line 01.04.04)

¹³ Там же.

¹⁴ VolgaVolga.com. 2004. № 1. С. 5.

ный контракт «работающей матери» в рамках легитимного образа жизни среднего класса, с максимальным соответствием заданным нормативным моделям: хорошо выглядящие женщины, социально и профессионально успешные, состоящие в стабильных моногамных отношениях (семья) и реализующие «основную задачу женщины» — материнство.

Таким образом, можно сказать, что нарушение гомосексуальными женщинами гетеросексуального контракта в пункте «желания», приводящее в публичных дебатах к стигматизации гомосексуальных женщин, ими самими нормализуется и преодолевается в квазипубличных декларациях за счет соответствия всем остальным пунктам доминирующего гендерного контракта. В результате чего у гомосексуальных женщин появляется ресурс для легитимации собственного образа жизни, а доминирующий контракт получает еще большее утверждение и закрепление.

Библиографический список

1. Айвазова С. Контракт «работающей матери»: советский вариант // Гендерный kaleйдоскоп: Курс лекций / Под ред. М. Малышевой. М.: Academia, 2002.
2. Батлер Дж. Гендерное беспокойство // Антология гендерных исследований: Сб. пер. / Сост. и коммент. И. Гаповой, А. Р. Усмановой. Минск: ПроPILEI, 2000.
3. Виттиг М. Прямое мышление и другие эссе. М.: Идея-Пресс, 2002.
4. Коллонтай А. Семья и коммунистическое государство. Екатеринослав; Харьков: Всеукр. гос. изд-во, 1922.
5. Кон И. Лунный свет на заре. Лики и маски однополой любви. М.: Олимп, 1998.
6. Малышева М. Современный патриархат: Социально-экономическое эссе. М.: Academia, 2001.
7. Нартова Н. «Про уродов и людей»: гетеросексуальность и лесбийство // Гендерные исследования. 2004. № 10.
8. Рубин Г. Обмен женщинами: Заметки о «политической экономии» пола // Хрестоматия феминистских текстов / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000.
9. Темкина А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социс. 2002. № 11.
10. Чуйкина С. «Быт неотделим от политики»: официальные и неофициальные нормы «половой» морали в советском обществе 1930—1980-х годов // В поисках сексуальности: Сб. ст. / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2002.
11. Pateman C. The sexual contract. Cambridge: Polity Press, 1994.

Е. И. Ганеева

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОБЛЕМНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Традиционно в социологии анализ социального взаимодействия сводился либо к анализу структурных детерминант действия/поведения, в качестве которых рассматривались социальные нормы, либо к выявлению и типизации смыслов, наполняющих и реализующихся в поведении и речевых действиях индивида. В современной социологической теории эти два подхода, выделяющие два уровня детерминант (надиндивидуальные и индивидуальные), синтезируются и находят выражение в различных теоретических концепциях, одной из которых является концепция социальной идентичности.

В данной работе мы исходим из понимания социальной идентичности как основного регулятора социального поведения индивидов в обществе. Самоопределение, соотнесение индивидом себя с другими индивидами/группами/общностями, понимание своей позиции в структуре различных групп и структуре общества непосредственно детерминируют процесс включения индивида в социум и определяют процесс протекания социальных взаимодействий. Под социальной идентичностью мы понимаем устойчивое отождествление индивидом себя с какой-либо (большой/малой) социальной группой (реальной/номинальной) на основании принятия, разделения и воспроизводства в своем поведении определенных социокультурных образцов. Этими образцами являются конфигурации смысловых схем ориентации и моделей поведения индивида в социальном пространстве, соответствующих определенным типам ситуаций. Культурный образец предлагает индивидам типизированные схемы восприятия и действия, позволяющие согласовать и сделать ожидаемыми ответные действия другого в социальном взаимодействии. В числе таких схем можно выделить социальные нормы, ценности как общественные идеалы и ценностные представления как мотивационные структуры (модели «должного»), побуждающие к предметному воплощению общественных ценностных идеалов, схематизированное знание об окружающем мире, модели поведения, модели речевого действия, воплощаемые в дискурсивных практиках. Культурный образец предлагает варианты восприятия, понимания и действия индивида, ориентированные на восприятие, понимание и действия другого агента взаимодействия, разделяющего и воспроизводящего в своем поведении этот же культурный образец.

Культурные образцы воспринимаются и интернализируются индивидом в процессе первичной и вторичной социализации, преломляясь и усваиваясь с учетом индивидуальных особенностей (самости). Указанные структурные компоненты идентичности (культурные образцы и самость) находятся в динамическом взаимодействии: индивидуальные представления и личностные особенности формируются в ходе взаимодействий, протекающих по типизированным

схемам, и наоборот, принятие и воспроизводство культурных образцов в социальном пространстве обусловлено личностным влиянием.

В процессе жизнедеятельности у индивида формируется множество идентичностей, выражающих связь и соотнесение индивидом себя с различными группами. Однако нельзя говорить о хаотичности идентичностей. В разных социальных контекстах индивид определяет себя и выстраивает свое поведение по-разному, в зависимости от того, с какой группой он взаимодействует в данный конкретный момент и какая идентификация требуется для подтверждения признания его членства со стороны группы. В то же время индивид продолжает определять себя как обладающего определенным набором достаточно постоянных характеристик, воспринимаемых им в качестве базовых и неизменных (гендерная идентичность, сексуальная идентичность, идентификации с семьей, с друзьями). Набор базовых идентичностей для каждого индивида свой, однако все эти идентичности выражают установленную внешнюю и внутреннюю связь индивида и его ближайшего окружения. В связи с этим мы предлагаем рассматривать социальную идентичность как структурированную и имеющую множество форм проявления, определяемых социальным контекстом взаимодействия (т. е. речь идет об одной идентичности, имеющей множество форм). В структуре множественной социальной идентичности выделяются ядро и периферия. Ядро социальной идентичности составляет определенное количество форм идентичности, которыми индивид очерчивает свое положение в социуме независимо от меняющегося социального контекста. Формы идентичности, составляющие периферию, наоборот, полностью детерминированы конкретными социальными условиями взаимодействия. Каждая из форм идентичности формируется на основании отбора и интернализации культурных образцов через призму индивидуальных особенностей.

Надо отметить, что в современном обществе наряду с установлением стабильной идентификации индивида с группой или общностью наблюдаются ситуации возникновения проблемных идентичностей, когда процесс отождествления индивидом себя с какой-либо социальной группой затруднен в силу личностных особенностей и/или в силу проблематичного признания членства индивида со стороны группы, т. е. проблемная идентичность формируется при нарушении процесса идентификации. Таким образом, проблемную идентичность можно определить как состояние затруднения самоопределения индивида с точки зрения принадлежности к конкретной социальной группе, вызванное отсутствием или несоответствием культурных образцов, предлагающих схемы ориентации и поведения в социуме.

Возникновение проблемной социальной идентичности индивида обусловлено протекающими в современном обществе трансформационными процессами. Расширение и изменение культурных образцов (формирование новых образцов массовой культуры, гибридизация культурных образцов, интенсификация локальных традиционных образцов) определяют возникновение широкого социокультурного пространства, предлагающего индивидам и группам различные схемы ориентации и поведения. Именно в расширяющемся спектре культурных образцов, на основании принятия и воспроизводства индивидом которых происходит идентификация с социальными группами, заключается

основное условие возникновения проблемной идентичности. Во-первых, спектр культурных образцов означает лишь широкую представленность типизированных схем ориентации и действия в социальном пространстве, которые могут быть неприменимы в возникающих новых ситуациях взаимодействия. Во-вторых, культурные образцы как типизированные схемы могут не позволять выразить личностные характеристики индивида как субъекта действия. В-третьих, расширяющееся социокультурное пространство предлагает различные, часто конфликтующие между собой, культурные образцы, которые могут привести к состоянию затруднения выбора принадлежности к той или иной социальной группе. В-четвертых, новые и трансформируемые культурные образцы, принимаемые индивидами, должны быть легитимными, т. е. признанными социальной группой, с которой осуществляется взаимодействие. Проблемная идентичность возникает, когда индивид отождествляет себя с определенной группой, однако данная идентификация не признается другими, поскольку культурный образец, являющийся основой процесса идентификации, не имеет легитимного или согласованного имени.

В современном обществе изменение и расширение социокультурных образцов затронуло основные социальные институты: собственность, государство, политические партии, семью, церковь, трудовые организации, учреждения образования и воспитания, науку, средства массовой информации. Однако степень влияния этих изменений на идентификационный процесс различна. Трансформации в культурных образцах, составляющих ядро социальной идентичности индивида являются наиболее значимыми и травматичными для самоопределения индивида.

В настоящее время доминирующими социокультурными образцами являются схемы ориентаций и действий, регулирующие повседневные практики индивидов. Среди наиболее значимых ценностно-нормативных детерминант социальных действий можно выделить культурные образцы, регламентирующие семейные, брачные, сексуальные отношения, отношения индивидов к различным формам социальной инаковости, отношения к властным структурам, к собственности, трудовые отношения. Степень принятия обществом названных культурных образцов, т. е. их признанность, можно проследить, обратившись к результатам исследования, проведенного в 2007 г. Институтом социологии РАН, в которых представлены данные об отношении россиян к аморальным и неэтичным поступкам [2]. Высокие отрицательные оценки, которые давали представители молодежи и представители старшего поколения в отношении различных форм девиантного поведения, проявляющегося в нарушении основных ценностей и норм общества, подтверждают значимость культурных образцов в обществе.

Одной из наиболее значимых ценностей для россиян является ценность семьи, родительства, супружеской верности. 95 % молодежи и 97 % старшего поколения крайне негативно оценили такие формы девиантного поведения, как плохое воспитание, заброшенность, беспризорность детей. Осуждение супружеской измены в равной степени представлено как среди молодежи, так и среди старшего поколения (доля каждой группы — 49 %).

Норма гетеросексуальности устойчива и постоянно поддерживается в обществе. Нетерпимое отношение к гомосексуальному поведению продемонстрировали 67 % молодежи и 80 % старшего поколения, при этом доля россиян обеих возрастных групп, считающих гомосексуализм недопустимым, значительно меньше доли населения, негативно относящегося к проституции, под которой в большинстве случаев понимаются беспорядочные гетеросексуальные половые связи.

Социальная норма терпимого отношения к представителям других национальностей достаточно широко распространена в обществе и декларируется многими россиянами: 62 % молодежи и 77 % старшего поколения считают недопустимым публичное проявление неприязни к представителям других национальностей.

Значимость для россиян ценностей здорового образа жизни частично демонстрирует отношение молодежи и старшего поколения к таким формам девиантного поведения, как наркомания и алкоголизм. Среди молодых людей 82 и 59 % крайне негативно оценили употребление наркотиков и пьянство/алкоголизм, среди людей более старшего возраста эти формы поведения как недопустимые назвали 95 и 66 % соответственно.

Ценность закона и социальные нормы, регулирующие отношение к нормам права и властным структурам, имеют более низкую значимость для россиян. При этом нормы финансовой ответственности более значимы, чем нормы подчинения властным структурам. Если уклонение от уплаты налогов осудили 40 % молодежи и 51 % старшего поколения, дачу/получение взятки — 34 % молодых людей и 47 % людей более старшего возраста, то сопротивление милиции как действие, которое никогда не может быть оправдано, отметили только 29 % молодежи и 33 % старшего поколения.

Перечисленные ценности и нормы составляют лишь небольшую часть общего социокультурного пространства, содержащего различные схемы ориентаций и действий в разных сферах общества, и представлены здесь для демонстрации некоторых доминирующих культурных образцов.

Существенная трансформация ценностей и социальных норм происходила в 90-х гг. XX в., однако в настоящее время также можно наблюдать изменение значимости этих культурных образцов. По данным исследования, проведенного в 2007 г. Аналитическим центром Юрия Левады, большинство россиян за последнее десятилетие отмечают заметное снижение влияния на поведение людей таких ценностей, как прочность брака, личная ответственность, уважение к окружающим, терпимость к людям, трудовая мораль, уважение к власти и закону [4, с. 179]. Однако доля населения, отмечающего ослабление влияния ценностей на поведение людей в обществе, за период с 2000 по 2007 г. уменьшилась. В 2007 г. только 38 и 55 % россиян отмечали снижение значимости ценностей уважения к власти и уважения к закону (в 2000 г. — 83 и 90 % соответственно), 49 и 44 % населения указывали на ослабление ценностей личной ответственности и гражданской позиции (в 2000 г. — 77 и 77 %). О снижении влияния ценностей трудовой морали на поведение людей в обществе говорили 54 % (в 2000 г. — 79 %). Ослабление ценности заботы об обездоленных в качестве характеристики современного общества называли 46 % (в 2000 г. — 70 %).

Вместе с этим надо отметить, что доля россиян, указавших существенное усиление влияния этих ценностей на общественное поведение, с 2000 по 2007 г. выросла в 2—3 раза и составила около трети населения.

Произошедшие изменения уровня значимости ценностей и норм и появление новых культурных образцов создали условия для возникновения разных типов проблемной идентичности у представителей различных социальных групп. В целом можно выделить четыре основных типа ситуаций возникновения проблемной идентичности.

Первый тип: ранее существовавший социокультурный образец противоречит новому образцу, который принимается индивидом (т. е. включается в идентификацию), но не признается группой.

Второй тип: ранее существовавший социокультурный образец противоречит новому образцу, который признается группой (т. е. воспроизводится во взаимодействиях и рассматривается как основа идентификации членов группы), но не принимается индивидом, придерживающимся старого образца.

Третий тип: ранее существовавший социокультурный образец трансформируется в новый образец, который принимается индивидом (т. е. включается в идентификацию), но не признается группой.

Четвертый тип: ранее существовавший социокультурный образец трансформируется в новый образец, который признается группой (т. е. воспроизводится во взаимодействиях и рассматривается как основа идентификации членов группы), но не принимается индивидом, придерживающимся старого образца.

Стоит отметить, что в случае появления нового культурного образца, противоречащего ранее существовавшему, вероятность возникновения проблемной идентичности выше, чем в случае трансформации социокультурных образцов.

Процесс формирования проблемной идентичности индивида может быть прослежен на различных примерах, однако наиболее показательными являются ситуации возникновения проблемной идентичности в группах населения, выделяемых по основным социокультурным и демографическим характеристикам, таким как гендер, сексуальность, этничность, конфессиональная принадлежность, возраст и др. В рамках данной статьи мы ограничимся рассмотрением ситуаций возникновения проблемной идентичности в гендерном аспекте.

В современном российском обществе представлен широкий спектр социокультурных образцов, согласованность и противоречивость между которыми различна при воспроизводстве этих образцов женщинами и мужчинами. Двумя основными культурными образцами, образующими ядро социальной идентичности индивида, являются образцы, регулирующие брачно-семейные и трудовые отношения.

Социокультурный образец, регламентирующий взаимодействия членов семьи, включает два ценностно-нормативных комплекса. Первый комплекс ценностей и норм четко разграничивает сферы деятельности членов семьи на женскую и мужскую. Ведение хозяйства, забота о членах семьи, воспитание детей являются женской прерогативой, материальное обеспечение семьи относится к мужской сфере. Второй комплекс ценностей и норм является трансформацией этих традиционных схем ориентаций и действий в семье и определяет равноправное распределение обязанностей мужчин и женщин. Надо отме-

тить, что в современном обществе, несмотря на большую значимость традиционной модели семьи, модель равноправного участия мужчины и женщины в организации семейной жизни также широко распространена. Это подтверждают результаты исследования, проведенного в 2007 г. ВЦИОМ, согласно которым 50 % россиян указывают, что мужчины и женщины имеют равные возможности в распределении семейных обязанностей [3]. Таким образом, оба комплекса ценностей и социальных норм являются легитимными, т. е. признаны в обществе.

Социокультурный образец, регламентирующий взаимодействия в трудовой сфере, также включает два основных ценностно-нормативных комплекса, взаимосвязанных с ценностно-нормативными комплексами культурного образца, регулирующего семейные отношения. Первый комплекс описывает модели включенности в трудовую занятость только мужчин, выполняющих функцию материального обеспечения семьи. Второй комплекс ценностей и норм предопределяет включенность в трудовую занятость как мужчин, так и женщин, но ограниченную для последних по сферам деятельности и социально-профессиональному статусу. Обе модели занятости мужчин и женщин также являются признанными в обществе: по данным исследования, проведенного в 2007 г. ВЦИОМ, 48 % россиян отметили, что мужчины имеют больше возможностей найти работу по специальности и 40 % указали на равные возможности мужчин и женщин в поиске работы по профессии [там же]. В оценках россиян того, как изменились возможности женщин за последние 10—15 лет в поиске работы, 61 % населения отметили усложнение и затруднение ситуации. Стоит отметить, что влияние ценностно-нормативного комплекса, детерминирующего женскую занятость, в обществе постепенно усиливается, становясь доминирующим. Это подтверждают результаты исследования, проведенного в 2002 г. Фондом общественного мнения, согласно которым 49 % россиян считают, что в случае материальной обеспеченности семьи российские женщины все равно предпочли бы работать [1]. При этом мнение о предпочтении трудовой занятости даже в условиях материальной обеспеченности семьи в большей степени высказывали сами женщины (55 %) и 42 % мужчин. Доля россиян, считающих, что при отсутствии необходимости женщины скорее не будут работать, составляет 43 %. Такое представление более характерно для мужчин, чем для женщин. Однако причины, по которым большинство женщин высказывались в пользу трудовой занятости даже в условиях материальной обеспеченности семьи, состоят не только в возможностях самореализации и актуализации, потребности в общении, но также связаны с представлениями о современном обществе как обществе риска. По данным исследования, проведенного Фондом общественного мнения, основными причинами трудовой занятости женщин являются отсутствие социальной защищенности и стабильности, под которой понимается потенциальная потеря «мужчины-кормильца» [там же].

Таким образом, культурные образцы, регулирующие семейные и трудовые отношения, каждый из которых представлен двумя ценностно-нормативными комплексами, являются признанными в обществе и включаются в идентификационные процессы. Стабильная идентичность возникает в случае совпадения только традиционных или только трансформационных ценностно-

нормативных комплексов, регулирующих семейные и трудовые отношения. Включение в идентификационный процесс традиционного комплекса ценностей и норм семейных отношений и трансформационного ценностно-нормативного комплекса, определяющего трудовые отношения, или, наоборот, трансформационного комплекса, предлагающего гендерно равноправное распределение обязанностей в семье, и традиционного ценностно-нормативного комплекса сферы трудовых отношений создает условия для возникновения проблемной идентичности.

В связи с тем, что культурные образцы, в одном из которых преобладают традиционные ценности, а в другом — трансформационные ценности и нормы, расходятся в большинстве случаев в определении схем ориентации и моделей поведения женщин, вероятность возникновения проблемной идентичности у женщин выше, чем у мужчин. Это подтверждают результаты исследования, проведенного Фондом общественного мнения, согласно которым женщины в своих интервью отмечали противоречивость их положения и самопонимания относительно своего положения в семье и профессиональной сфере [1]. Основная проблема состоит в выборе следования тому или другому образцу в условиях социального давления, проявляющегося в признании обоих образцов группами ближайшего окружения. Основное противоречие традиционного и трансформированного культурных образцов заключается в требовании полной временной, психологической, физиологической и социальной включенности женщины в процесс воспроизводства того или иного образца в рамках семейных или трудовых отношений соответственно. Таким образом, модели поведения, предлагаемые этими социокультурными образцами, являются взаимоисключающими. Факторами, определяющими ситуацию возникновения проблемной идентичности или избегания ее формирования, являются индивидуальные представления и особенности личности, через призму которых происходит усвоение культурных образцов. Чем более велика значимость обоих образцов для женщины, тем более вероятно возникновение проблемной идентичности, чем менее значим для женщины один из конфликтующих образцов, тем менее вероятно ее формирование.

Библиографический список

1. Женщины в России. М.: Фонд общественного мнения, 2002. http://bd.fom.ru/report/cat/socium/soc_gr/lady_man/dd020934
2. Молодежь новой России: ценностные приоритеты. Социальное неравенство в социологическом измерении. М.: Ин-т социологии РАН, 2007. http://www.isras.ru/analytical_report_Youth.html
3. Мужчины и женщины равны, но кто из них «равнее»? М.: ВЦИОМ, 2007. http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/4120.html?no_cache=1&cHash=71fec68284
4. Общественное мнение — 2007. М.: Левада-Центр, 2007.

ПРОБЛЕМЫ ЖЕНСКОЙ И ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

Е. Ю. Волкова

РЕШЕНИЕ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРОБЛЕМ ЖЕНЩИН В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

XXI век с новой силой поставил проблему — определение места женщины в современном российском обществе, поскольку без ее разрешения невозможно дальнейшее развитие страны. От позиции женщин, их социального самочувствия, мировоззрения во многом зависит стабилизация политического положения в России. При этом на желание женщин работать, создавать семью, воспитывать детей огромное давление оказывают вопросы повседневности. Именно женщина — мать, жена — сталкивается с ними каждый день.

Надо сказать, что формы и методы решения многих современных «женских» проблем впервые опробовались и успешно претворялись в жизнь именно в годы Великой Отечественной войны (проблема занятости, жилищная проблема, адресная помощь, безнадзорные дети и др.). Важное место среди них занимали вопросы быта. Этот бесценный опыт может помочь претворить в жизнь Концепцию улучшения положения женщин в Российской Федерации, утвержденную Правительством Российской Федерации 8 января 1996 г. Она основывается на том, что «права женщин являются неотъемлемой частью общих прав человека. Полное и равноправное участие женщин в политической, экономической, социальной и культурной жизни на федеральном, региональном и международном уровнях должно стать главной целью государственной политики в области улучшения положения женщин в Российской Федерации» [21, с. 339].

Долгие годы историки практически не анализировали бытовые проблемы, т. к. не считали их важным фактором в создании у женщин настроения на работу, на победу. Другие придерживались мнения: «Война есть война», в ходе которой естественно бытовое состояние ухудшилось, поэтому не находили здесь проблемы для исследования. Главная причина такого подхода — не было доступа к соответствующим документам. Лишь с 90-х гг., когда появилась возможность изучить новый пласт архивных материалов, к социально-бытовым вопросам обращается все больше исследователей [2, 6, 7, 9, 10, 11, 12, 13, 16, 23].

Однако в работах не акцентируется внимание на положении женщин. Но именно женщины в годы войны стали определяющей рабочей силой советского тыла. Кроме того, на них легла ответственность за жизнь детей и стариков, а следовательно, обрушились и многочисленные бытовые вопросы, возникшие в ходе войны. Малозначимые, на первый взгляд, проблемы: чем накормить себя,

детей, стариков, во что одеть, обусть, как вылечить, вывести вшей, чесотку «преследовали» их каждый день. Именно от решения бытовых проблем во многом зависело их душевное и физическое состояние, желание женщин работать, выполнять общественные поручения, поддерживать близких на фронте.

Открывшийся доступ к новым документам позволяет увидеть более страшную картину жизни миллионов женщин, детей, стариков в военное время, что еще раз подтверждает, на какие жертвы и лишения шло мирное население, в частности женщины. Наряду с объективными причинами бедственного положения женщин (только за 1940—1942 гг. военные расходы возросли на 91,2 % [14, с. 122]) было немало и субъективных причин. Архивные материалы показывают, что местные руководители ряда регионов страны, ссылаясь на военные трудности, плохо решали бытовые вопросы. Например, 21 февраля 1942 г. инженеры проектно-конструкторского отдела Дзержинского завода № 96 Горьковской области в отчаянии писали в обком партии: «В столовой меню стандартное: первое — лапша или манный суп, где кроме воды только лапша или манка. Второе — стакан чая без сахара, редко — манная каша без масла. Обслуживание столовой поставлено очень плохо: у вешалок длинная очередь и давка, чай подают в пивных стаканах (заметны следы пальцев и губ на стенках стакана от предыдущего человека). Посещать столовую можно только один раз в сутки». В конце письма инженеры справедливо заключают: «Объяснить это трудностями военного времени нельзя, т. к. есть другие столовые, где трехразовое питание и мясные блюда» [8].

В докладной записке комиссии по проверке Саратовского обкома партии, направленной в ЦК ВКП(б) в октябре 1942 г., подчеркивалось, что в решении социально-бытовых проблем «обком не проявляет никакой напористости в работе и начинает шевелиться только после телеграмм или звонка из ЦК ВКП(б)». В Кирове в ноябре 1942 г. из 43 магазинов и ларьков по продаже хлеба работали 5 магазинов и 2 ларька, т. к. в пекарнях не могли исправить электричество. В 1944 г. в Туле, Мариуполе, Тюмени, Архангельской и Молотовской областях даже выделенные суммы на ремонт жилого фонда и общественных заведений расходовались наполовину. Причин было много: не хватало строительных материалов, рабочей силы, а порой виной были элементарное разгильдяйство и недобросовестность руководителей и исполнителей. В Астрахани городские власти обращали недостаточное внимание на коммунальное хозяйство. В результате бани работали с большими перебоями, водопровод и канализация часто выходили из строя, в гостиницах было холодно и грязно. Некоторые улицы систематически затапливались водой и нечистотами. Дорожное, мостовое и паромное хозяйство находились в запустении.

Одной из самых сложных проблем, которую женщинам приходилось решать каждый день, стала проблема питания. С началом войны резко сократились рыночные фонды продовольствия, удельный вес колхозной торговли. Была введена карточная система, а цены на рынках возросли в 100 и более раз. Жительница Горького А. Г. Юмшанова в феврале 1942 г. писала мужу на фронт: «Я вот уже три месяца как стала ужасно отекать. Ноги опухли до колен, а первые дни отек достигал до живота, отеки очень сильные, была у профессора Степанова и Атебека. Они находят положение серьезным... признали “го-

лодный отек» от недостатка питания... Лечение единственное — разнообразное улучшенное питание — молоко, яйца, овощи, мясо, но стоит это все баснословных денег — молоко — 20 рублей литр, яйца — 60 рублей десяток, мясо — 150 рублей кг, морковь — 20 рублей кг» [22]. В декабре 1942 г. на рынке в Молотове литр молока стоил 50—100 рублей, килограмм мяса — 160—250, сливочного масла — 1000—1200, картофеля — 25—40 рублей. В 1944 г. среднемесячная зарплата у рабочих союзной промышленности составила 573 рубля (в 1940 г. — 375 рублей), но килограмм говядины на рынках в среднем по СССР стоил 244 рубля, пшеничной муки — 162, пшеница — 199, литр молока — 52 рубля [18]. От безысходности трудящиеся стали употреблять продовольственные заменители, которые в мирное время были категорически запрещены санитарным законодательством: финнозное мясо, солодовое молоко, мясорастительная колбаса, сахарин, меласса.

Село, которое кормило фронт и город, как ни странно, оказалось в еще более плачевном положении. В 1942—1943 гг. в среднем на душу колхозного населения было выдано примерно 200 г зерна и 100 г картофеля, а продукция животноводства совсем перестала распределяться на трудодни. В отличие от горожан, сельские жители не имели централизованного карточного снабжения. В начале 1944 г. на одну крестьянскую семью приходилось 1,5 кг зерна в день или по 300—375 г в среднем на человека, что составляло иждивенческую норму выдачи по карточкам горожанину, 91 г мяса и сала в день на семью или 18—22 г на человека, яиц соответственно 0,3 шт. на семью или одно яйцо на 15 человек в день [1, с. 44—45, 82—83]. Сахара и конфет не видели вообще, но женщины «наловчились» делать «мармелад» из свеклы и тыквы.

Производство основных видов продуктов упало во время войны в несколько раз. Это можно видеть по приведенным ниже табл. № 1, 2 [15, с. 93, 112].

Таблица 1

Валовой сбор основных сельскохозяйственных культур в СССР, млн т

Годы	1940	1943	1944	1945
Основные с.-х. культуры				
Все зерновые культуры	95,5	29,4	49,1	47,2
Картофель	75,9	34,9	54,9	58,1

Таблица 2

Производство продуктов животноводства в СССР, тыс. т

Годы	1940	1942	1943	1944	1945
Продукты животноводства					
Мясо (в убойном весе)	4695	1841	1767	1953	2559
Молоко	33640	15762	16391	22044	26428
Шерсть	161	125	100	103	111
Яйца, млн шт.	12214	4513	3469	3588	4883

Выявленные документы свидетельствуют, что часто причиной голода было бездарное и бездушное отношение местных властей. Недооценивало ситуацию на селе и высшее руководство. Считалось, что в деревне всегда можно найти что-нибудь поесть. Но всему есть предел. В ряде мест женщины и дети употребляли в пищу трупы домашних животных, кошек, собак, траву. Дело доходило до каннибализма. В июне 1944 г. Е. И. Баркина из Бор-Судского района Вологодской области писала: «...получим 300 г и то мы вместе съедем в одно воскресенье, а потом и голодуем. Да теперь и в кладовой нет ни грамма, а гороховину больше нет сил толчи. Вот теперь берет Люся с клевера головки, а Надя рубит лист от турнепса. Вот как и жить...» [9, с. 355]. От безысходности женщины порой совершали безумные поступки. Так, в деревне Калиновка Аксубаевского района Татарии 12-летняя Н. Максимова была уличена в семи мелких кражах продуктов. Потерпевшие — две многодетные жены фронтовиков водили ее по деревне с камнем на шее, затем подвели к реке, чтобы утопить, привязали к телеге и длительное время продержали на дожде, после чего посадили в погреб [5, с. 46].

Руководство страны больше внимания уделяло снабжению продовольствием рабочих и служащих. Ввиду скудости питания, занятости населения на производстве, отсутствия бытовых условий (дров, керосина и т. п.) для индивидуального приготовления пищи, как и в годы гражданской войны, возросла роль общественного питания. Число лиц, питавшихся в столовых, буфетах, ресторанах, фабриках-кухнях увеличилось с 10—11 млн человек в 1940 г. до 25 млн в 1944-м. А. Н. Молчанова, работавшая в годы войны в Вологде в райкоме партии, рассказывала автору, что работники райкома питались в обкомовской столовой по талонам. Меню было традиционным: на первое — «какая-то бурда, на второе — запеканка из пшеничной или другой крупы размером примерно 10 на 10 см, кусочек хлеба, чай»¹.

Однако была и другая сторона: возросли случаи краж и хищений в системе торговли, обвешивание, подделка карточек и т. п. В Постановлении Президиума ВЦСПС от 18 мая 1943 г. отмечалось, что «положение со снабжением рабочих и служащих текстильной промышленности находится в крайне неудовлетворительном состоянии. Выделяемые Правительством фонды продовольственных и промышленных товаров до рабочих полностью не доходят, а разворовываются и разбазариваются» (ГАРФ, д. 11, л. 43). Ни священная война, ни слезы голодных детей, ни отчаяние женщин, ни расстрел — ничто не могло остановить вора или мародера перед лицом соблазна что-нибудь «урвать». В частности, в 1942 г. в рабочих столовых шахт Кузбасса не редки были случаи обвешивания рабочих. На шахте «Центральная» за 3—4 дня разворовали 100 кг колбасы, 38 кг лапши и другие продукты. На шахте № 3-3бис в ноябре 1942 г. зав. столовой, кладовщик и бухгалтер отвезли домой 40 кг сливочного масла, ведро подсолнечного, 10 кг крупы. В Кирове в конце 1942 г. в рабочих столовых были вскрыты многочисленные факты обвешивания и воровства продуктов. В результате, например, на шубно-овчинном заводе кормили раз в сутки. Обеды плохого качества

¹ Из беседы автора с А. Н. Молчановой.

представляли собой обычно щи без жиров или мучной суп. В марте 1943 г. в Калининне была раскрыта преступная деятельность работников магазина № 16. Заведующая Ткачук, ее помощник Сорокина и продавец Авдеева похищали по несколько буханок хлеба ежедневно и сбывали их на базарах города по 100—150 рублей за штуку (ГАРФ, д. 11, л. 44; д. 20, л. 23).

Важную роль в улучшении питания работниц сыграло создание отделов рабочего снабжения (ОРС) на предприятиях. Намного расширилась посевная площадь подсобных хозяйств. Были приняты постановления СНК СССР, секретариата ВЦСПС, создан специальный Комитет содействия индивидуальному и коллективному огородничеству рабочих и служащих во главе с секретарем ВЦСПС К. И. Николаевой. В пищу рекомендовали использовать самые разные продукты. Например, в Постановлении секретариата ВЦСПС от 12 мая 1943 г. отмечалось: «В целях пополнения пищевых ресурсов обязать ЦК профсоюзов и местные комитеты оказать всемерную помощь ОРСам в организации сбора дикорастущей зелени (одуванчиков, лебеды, кислицы, крапивы, подорожника, щавеля и др.)» (там же, д. 20, л. 7).

По всей стране развернулось индивидуальное огородничество. В городах часто под огороды перекапывали пустыри и газоны. Не всем горожанам удавалось получить хороший урожай. Многие не имели практического опыта, были плохо обеспечены семенами, инвентарем. В результате после кропотливого труда осенью большинство людей собирали фактически столько же, сколько посеяли весной. Так, работница московского завода имени 1-го августа П. В. Славина рассказывала в 1943 г.: «В прошлом году мой огород дал плохой урожай, потому что земля была неважная, и я ее не удобряла. Я еле-еле собрала то, что посадила... но все же в 1943 г. я очень хочу опять иметь огород, так как видела и хорошие урожаи и знаю, что огород — большое подспорье для питания семьи» (там же, д. 64, л. 66).

В целом по стране количество огородников возросло с 5 млн в 1942 г. до 18,6 млн в 1945 г. Потребление картофеля, овощей, бахчевых возросло с 77 кг на душу городского населения в 1942 г. до 177 кг в 1944 г. [4, с. 504]. Это несколько улучшило питание в голодные военные годы.

Другая сложная проблема, над которой женщины каждый день ломали голову: во что одеть и обуть себя и своих детей. Производство самых необходимых вещей сократилось в несколько раз. Например, централизованные рыночные фонды на производство хлопчатобумажных тканей сократились в 1945 г. по сравнению с 1940 г. в 5 раз; шерстяных — в 1,4 раза; чулочно-носочных изделий — в 7 раз; кожаной обуви — в 6,7 раз; резиновой — в 7,5 раз; керосина — в 7,4 раза [15, с. 190].

В годы войны люди ходили в старых залатанных валенках, обшитых резиной, в лаптях, появилась обувь на деревянной подошве. Многие колхозницы носили платья, сшитые из старой мешковины, поэтому не могли работать в колхозах в зимнее время. У отдельных колхозников детям дошкольного возраста совершенно не в чем было ходить. Имеющиеся старые, порванные или сломанные вещи невозможно было отремонтировать, т. к. сфера бытового обслуживания, и так слабо развитая в мирное время, в годы войны фактически была сведена к нулю. К концу войны на весь огромный Красноярский край ра-

ботало 184 мастерских по ремонту одежды, 370 — по ремонту обуви, 74 — металлоизделий, 6 — трикотажных изделий. За девять месяцев 1944 г. Читинская область недополучила промтоваров на сумму около 20 млн рублей. Из-за отсутствия одежды и обуви более 7 тыс. детей не смогли пойти 1 сентября в школу. В Ярославской области в 1944 г. было продано товаров на 42,7 млн рублей больше, чем в 1942 г., в том числе 300 тонн мыла, 574 тыс. трикотажных изделий и 500 тыс. пар обуви [19, с. 201, 209]. Однако и этого было недостаточно.

С 1943 г. началось самодеятельное или организованное плетение лаптей. В 1944 г. их было изготовлено более 737 тысяч пар только по линии потребкооперации СССР [2, с. 373]. На многих предприятиях из отходов производства пытались изготавливать предметы первой необходимости. Например, местная промышленность Автозаводского района Горького из отходов стеклолита и авиационной фанеры освоила производство расчесок, гребешков, пуговиц. На заводе ГАЗ делали желтый и черный гуталин, зубной порошок, спички, обувь на деревянной подошве, ведра, лейки, тазы. Артель «Коопремонт» Сормовского района стала производить резиновую обувь-чуни, детские санки, чугунки, женские жакеты; артель «Швейник» освоила производство одеял, матрацев, кашне, перчаток.

Эти меры в некоторой степени облегчали жизнь в военное время. Хотя основная масса женщин продолжала надеяться только на свои силы. Без конца перешивались старые вещи, возродилось домашнее ткачество, прядение шерсти, вязание теплых вещей. В изготовлении вещей женщинам давались советы на страницах центральных журналов «Работница» и «Крестьянка»: как шить себе платье, приготовить приданое для новорожденного, связать свитер, сделать сандалии или простые туфли. Как говорится, спасибо и на этом.

В условиях войны на каждом шагу у женщины возникали непреодолимые преграды. Например, казалось бы, простая вещь — помыться, постирать белье или подстричься. Но в войну это сделать было очень сложно. С большим трудом шло выполнение Постановления СНК РСФСР от 4 декабря 1941 г. «О мероприятиях по улучшению обслуживания банями и прачечными населения и организаций в городах РСФСР». За первый квартал 1942 г. по 12 областям РСФСР было построено 529 бань упрощенного типа, т. е. рубленых и земляных. В основных же банях, которых к концу войны по республике насчитывалось 734, наблюдались частые перебои из-за отсутствия топлива, котлы были 30—40-летней давности, многие краны не работали, не хватало шаек, мыла и соды, а имевшиеся крохи были низкого качества. 2286 парикмахерских республики работали с перебоями из-за отсутствия материалов и моющих средств (ГАРФ, ф. 5456, оп. 26, д. 32, л. 1, 8, 27). В частности, в Горьком в середине войны сложилось «совершенно нетерпимое положение» с работой бань. 10 городских бань имели пропускную способность до 42 тыс. человек в сутки, что составляло лишь 9 % тех, кто ими пользовался. В результате жители города не могли мыться по 1—1,5 месяца. Для укомплектования бань требовалось 196 человек, но были приняты на работу лишь трое. Вместо 500 кг мыла в 1943 г. было выделено лишь 300, вместо 50 тыс. мочалок — 7 тыс. шт., вместо 1 тыс. шаек — 58 [10, с. 405].

В деревнях дело обстояло еще хуже. Учреждений бытового обслуживания не было и в помине. Мыла практически не видели. Мылись и стирали белье в «щелоче» (настояе древесной золы). Белье потом сильно били валиками на реке при полоскании. Гладили тоже деревянными валиками, сохранившимися от прадедов. Спички были редкостью, поэтому утром, чтобы разжечь печь, крестьянки бегали по селу, от избы к избе, за горящим угольком. Оставшиеся в деревнях мужчины-курильщики при закуривании высекали искру первобытным способом. Зубы чистили углем.

Остается совершенно неизученным вопрос: кто и в каких условиях работал в банях, прачечных и парикмахерских и других предприятиях материально-бытового обслуживания населения? А эта отрасль, как и многие другие, тоже стала «женской». В 1945 г. 84 % персонала составляли женщины, причем в основном преклонного возраста, больные, инвалиды, непригодные для мобилизации в армию, на предприятия и лесозаготовки (ГАРФ, ф. 5456, оп. 26, д. 32, л. 143). Часто прачечные не справлялись с планом из-за болезней или немощи их работников, т. к. стирали в основном вручную, белье трудно было простирать из-за заношенности и ветхости. Прачки в условиях острой нехватки кадров становились одновременно кочегарами, слесарями, добывали топливо, пилили дрова. Но женщины старались. Например, в блокадном Ленинграде уже в 1943 г. объем постиранного белья достиг довоенного уровня, а в 1944 г. его превзошли на 33 % — было постирано 2 тыс. тонн белья — и это при некачественном топливе и перебоях с транспортом (там же, д. 119, л. 145; д. 145, л. 11). Несмотря на все трудности, спецзадания ГКО по стирке обмундирования Красной Армии выполнялись качественно и в срок. Это особо отметил 7-й пленум ЦК Союза работников парикмахерских, бань и прачечных в 1945 г. (там же, д. 119, л. 54). Таким образом, в этом незаметном, на первый взгляд, труде также проявлялась неподдельная жертвенность женщин, стремление из последних сил помочь и тыловикам, и фронтовикам.

Итак, во время войны, как и в мирное время, вопросы быта были «обычными» проблемами женщин. А главное, что от них требовалось, — это многочасовая изнурительная работа в помощь фронту, которая складывалась из многих составных частей: непосредственный труд на заводе, фабрике, в поле, на ферме по 12—16 часов без выходных и отпусков, а также дополнительные работы по заготовке топлива, разгрузке вагонов, на строительных работах. Патриотки дежурили в госпиталях, сдавали кровь, а поздно вечером или ночью изготавливали подарки на фронт, вязали носки и варежки бойцам, стирали и ремонтировали обмундирование. Не было отдыха и покоя ни днем ни ночью... И если при этом имело место грубое отношение или непосильные требования со стороны руководства, не каждая могла это выдержать. В отчаянии женщины писали письма-жалобы на фронт. Вся переписка подвергалась цензуре. Цензоры, работники НКВД, изымали такие письма. С одной стороны, это было циничное заглядывание в личную жизнь людей, а с другой — необходимое избавление фронтовиков от негативной информации отчаявшихся родственников. М. Е. Ракитина из Колпашево Томской области, работавшая во время войны в военной цензуре НКВД, вспоминает: «Вычеркивали в письмах на фронт, что давит голод, словом, все, что говорит о плохой, тяжелой жизни» [17].

Однако подавляющее большинство женщин мирилось с трудностями военного времени, терпело все невзгоды, понимая, что такое бедственное состояние временно. «И вот что интересно, — вспоминает В. И. Архипова, в годы войны трудившаяся на трикотажной фабрике в Кургане, — на работе не ныли, не плакались на судьбу, может, потому, что видели: всем трудно. И норму выполняли на 150—200 %» [19, с. 259].

Создавая объективную картину военных будней, нельзя забывать и минуты радости, и даже счастья, которых все-таки не лишены были российские труженицы. М. В. Каплина вспоминает: «Но как бы ни было тяжело, молодость брала свое. Ходили в театр оперетты... С удовольствием бегали в город на танцы под духовой оркестр. Бывали на концертах... Вот так, после тяжелой, голодной работы мы отдыхали душой. Спокойно переносили все тяготы войны, не хныкали и не жаловались, делали все, что могли для победы над фашизмом» [19, с. 201, 209]. М. И. Колесова, всю войну прожившая в Ленинграде, рассказывала, что 29 марта 1942 г. во время бомбежки ее ранило в ногу. В 1943 г., еще хромая, Мария уже бегала на танцы и даже учила какого-то летчика танцевать. В ее доме собирались друзья и играли на гитаре, купленной в первый день блокады².

На основе вышеизложенного материала автор приходит к следующим выводам.

1. В условиях жесточайшей войны государство сумело выкроить средства на социально-культурные мероприятия. В итоге к концу войны эти суммы превысили довоенный уровень: в 1940 г. они составили 41 713 млн рублей, а в 1945 г. — 62 700 млн [20, с. 176]. Однако это не означало пропорционального роста благосостояния трудящихся, ибо деньги шли в основном на создание детских учреждений, пособия многодетным семьям, на выплату пенсий миллионам инвалидов и сирот, пособий семьям фронтовиков, на восстановление разрушенных социальных учреждений и т. д. В итоге средств все равно катастрофически не хватало.

2. Улучшение тяжелого положения тружениц во многом зависело от продуктивной работы местных властей. Однако достаточно часто областные, районные руководители не понимали или не хотели понять, что без решения многочисленных проблем в социально-бытовой сфере невозможен производительный труд на помощь фронту. И все же, даже то небольшое, что удалось сделать для облегчения тяжелейших бытовых условий, поддержания здоровья спасало тысячи женщин и детей от страданий, нищеты, голода и гибели и вызывало ответную реакцию — стремление отдать все силы на борьбу с врагом, хотя, в конечном счете, главная цель этих мероприятий все-таки была политическая, а не гуманитарная.

3. В период Великой Отечественной войны положение в быту оставалось крайне тяжелым. Тем не менее женщины умели довольствоваться малым. «На долю моего поколения выпало много трудного, горького, и все-таки мы умели радоваться, — говорит М. П. Добровольская, работавшая на одном из сибирских заводов токарем. — Бывало, получишь военную пайку хлеба, умудришься сколько-то сэкономить, чтобы обменять на какую-нибудь брошку или еще какую безделушку — вот радости-то было!».

² Из беседы автора с М. И. Колесовой.

Более того, анализ психологического состояния женщин тыла приводит к заключению, что их основная масса, несмотря на невероятные трудности, находила силы не только все выдерживать, но и вселять оптимизм своим родным на фронте. Жена фронтовика, скромная стрелочница станции «Бакланово» Северной железной дороги Мария Суслова, мать 9 детей, провожая мужа и сына на фронт, наказывала мужу: «Ты забудь теперь думать о нас, беспокоиться, мы проживем, ты думай об одном — победить врага» (ГАРФ, ф. 7928, оп. 20, л. 69). Во имя Победы российские женщины мужественно переносили все трудности на работе, в быту, в семье. На первое место выступила жертвенность, т. е. осознанный отказ не только от своей выгоды, пользы, комфорта, но и от жизненно необходимого: тепла, еды, здоровья, жизни. Это поражало не только отечественных, но и зарубежных историков. В частности, Р. Овери подчеркивает: «Стоимость войны для России просто затмевает страдания других стран. Не может быть спора о том, что советское население перенесло такие страдания, которые просто не совместимы с потерями союзников СССР» [24]. Прав Н. А. Бердяев, утверждая, что война «пробуждает глубокое чувство народного национального единства, преодолевает внутренний раздор и вражду... изобличает ложь жизни, сбрасывает покровы, свергает фальшивые святыни. Она — великая проявительница» [3, с. 18].

Библиографический список

1. *Анисков В. Т.* Война и судьбы российского крестьянства. Вологда; Ярославль, 1998.
2. *Анисков В. Т.* Крестьянство против фашизма, 1941—1945. М., 2003.
3. *Бердяев Н. А.* Судьба России. М., 1990.
4. Великая Отечественная война: Энцикл. М., 1985.
5. «Военный» голод // Родина. 1995. № 11.
6. Война в памяти народной (1941—1945): Кировская область в годы Великой Отечественной войны: Материалы и документы. Киров, 1995.
7. *Горбулина И. В.* Социальная политика советского государства в годы Великой Отечественной войны: (На материалах Сибири): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5451. Оп. 31. Д. 64. Л. 9. Далее ссылки на этот архив даются в тексте статьи в круглых скобках.
9. «Живем — не радуемся» // Русское прошлое. СПб., 1996. Кн. 7.
10. Забвению не подлежит: страницы нижегородской истории (1941—1945): Документы, письма, воспоминания: Кн. третья. Н. Новгород, 1995.
11. *Зеленин И. Е.* К вопросу о голоде сельскохозяйственных тыловых районов СССР в годы Великой Отечественной войны: Историография и источники // Людские потери СССР в период Второй мировой войны. СПб., 1995.
12. *Зима В. Ф.* Менталитет народов России в войне 1941—1945 гг. М., 2000.
13. *Зяблицева С. В.* Социально-бытовая сфера Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941—1945): Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1995.
14. *Исупов В. А., Алексеев В. В.* Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986.
15. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: Стат. сб. М., 1990.

16. *Палецких Н. П.* Социальная политика Урала в период Великой Отечественной войны. Челябинск, 1995.
17. Правда. 1989. 11 мая.
18. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 88. Д. 137. Л. 263.
19. Священная война: Великая Отечественная война в памяти фронтовиков и труженников тыла. Курган, 2000. Кн. 2.
20. *Синицын А. М.* Всенародная помощь фронту. 2-е изд. М., 1985.
21. Хрестоматия к курсу «Основы гендерных исследований» / Отв. ред. О. А. Ворони-на. М., 2000.
22. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 6217. Оп. 7. Д. 36. Л. 25.
23. *Шалак А. В.* Условия жизни и быта населения Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Иркутск, 1998.
24. *Overy R.* Russia's War. London, 1998.

Аннотации

Хасбулатова О. А., Смирнова А. В. Эволюция государственной политики в отношении семьи в России в XX – начале XXI века (Историко-социологический анализ)

Осуществлен историко-социологический анализ государственной политики в отношении семьи в России в периоды 1900—1917, 1917—1990, 1990—1999, 2000—2008 гг. Рассмотрены правовые основы семейно-брачных отношений, характер взаимоотношений государства и семьи, формы ее социальной поддержки; сформулированы выводы о степени эффективности политики российского государства в отношении семьи на каждом из исторических этапов.

Ключевые слова: государственная политика в отношении семьи, патернализм, социальное партнерство, материнское право, родительское право, демографическая политика, социальная поддержка семьи.

Саралиева З. Х., Соловьева С. В. Альтернативные формы поддержки успешной семьи: проект «Дневные мамы»

Рассматривается альтернативная форма помощи успешной семье (основанной на браке, имеющей детей, экономически независимой) на примере проекта «Дневные мамы», внедряемого в практику семейной государственной политики Германии.

Ключевые слова: гибкие формы помощи семье, проект «Дневные мамы».

Егорова Н. Ю. Родительско-детские отношения в браках и сожительствах

Анализируется сожительство как форма организации современной семейной жизни. Проводится сравнительный анализ характеристик, связанных с родительско-детскими отношениями матерей, воспитывающих детей в браках и сожительствах. Сопоставление и описательная характеристика указанных форм семьи представлены на базе социологического исследования «Ценность детей. Межпоколенные отношения», проведенного в Нижегородской области в 2006—2007 гг. в рамках международного проекта.

Ключевые слова: сожительство как форма семьи, брачные семейные отношения, функции семьи, родительско-детские отношения, положительная и отрицательная мотивации на рождение детей, стили взаимодействия с ребенком.

Ярская-Смирнова Е. Р., Тепер Г. А., Грек Н. В. Брошенные дети: проблемы профилактики раннего социального сиротства

На основе ряда документов и интервью анализируется проблема отказа от ребенка в роддоме. Рассматривается современная система ранней профилактики социального сиротства, а также поиск путей ее развития.

Ключевые слова: отказничество, факторы риска, социальное сиротство, роддом, Центр «Семья», технологии профилактики.

Петрова И. Э. Женские лица христианской социальной работы

Исследуется тема женского участия в конфессиональной социальной работе. Рассматриваются разнообразные формы служения женщин в церквях и монастырях различных христианских конфессий. Особое внимание уделяется развитию служения диаконис в истории России.

Ключевые слова: конфессиональная социальная работа, служение, диакониса.

Нартова Н. А. Гендерный контракт современного российского общества и неконвенциональные гендерные идентичности

Рассматривается понятие гендерного контакта как аналитической категории, позволяющей описывать нормативные гендерные идентичности, роли, отношения и иерархии. Доминирующий гендерный контракт в современной России исследуется через сексуальную и социальную составляющие.

Ключевые слова: пол, гендер, сексуальность, гендерный контракт, гетеросексуальность, гомосексуальность, гендерные роли, разделение труда, работа, материнство.

Ганеева Е. И. Формирование проблемной идентичности: гендерный аспект

Предлагается концепция структуры социальной идентичности, являющейся единой для всех форм самоопределения, выделяемых по параметру устойчивости. Процесс формирования проблемной идентичности рассматривается в общем контексте трансформационных процессов в современном обществе, определяющих условия возникновения затруднений в самоопределении индивидов, которые по-разному оказывают влияние на устойчивость социальной идентичности женщин и мужчин.

Ключевые слова: трансформационные процессы, социокультурный образец, идентификация, стабильная идентичность, проблемная идентичность.

Волкова Е. Ю. Решение повседневных проблем женщин в годы Великой Отечественной войны

На основе архивных материалов рассматриваются бытовые проблемы российских женщин в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, женщины Российской Федерации, бытовые проблемы.

Summaries

Khasbulatova O. A., Smirnova A. V. Evolution of the State Family Policy in Russia in the XXth — the Beginning of the XXI century (Historical and Sociological Analysis)

Historical and sociological analysis of the state family policy in Russia in the periods of 1900—1917, 1917—1990, 1990—1999, 2000—2008 years is made. Legal basis of family and marriage relationships, the character of interrelations between the state and the family, forms of the social support are covered. The conclusions about the efficiency of family policy of Russian state during each of the abovementioned periods are drawn.

Key-words: state family policy, paternalism, social partnership, maternity right, parental right, population policy, social support to the family.

Saraliev Z. H., Solovyova S. V. Alternative types of support to the successful families: the project «Daily mothers»

The alternative type of support to the successful family (based on marriage, with children, economically independent) is analyzed by the example of the project «Daily mothers» introduced in practice of state family policy in Germany.

Key-words: flexible types of support to the family, project «Daily mothers».

Egorova N. J. The Parental-Child's Relationships in Marriages and Cohabitations

Cohabitation as a form of the modern family life organization is analyzed. The comparative analysis of characteristics connected with parental-child's relationships among mothers bringing up their children in marriages and in cohabitations is made. The comparison and descriptive characteristics of the abovementioned types of families is made on the basis of the sociological research «Children's value. Intergenerational relationships». The research was held in Nizhny Novgorod region in 2006—2007 within the framework of international project.

Key-words: cohabitation as a form of family, marriage family relations, family functions, parental-child's relations, positive and negative child's birth motivation, styles of interaction with a child.

Yarskaya-Smirnova E. R., Teper G. A., Grek N. V. Abandoned Children: the Problems of Early Orphanage Prevention

Problems of the child's refusal in the maternity hospital is analyzed. Modern system of early social orphanage prevention and ways of its development are studied.

Key-words: child's refusal, factors of risk, social orphanage, maternity hospital, «Family» centre, preventive measures technologies.

Petrova I. E. Female Faces of Christian Social Work

The question of women's participation in confessional social work is investigated. Different types of women's service in churches and convents of different Christian confessions are explored. Special attention is given to the development of deaconess service in the history of Russia.

Key-words: confessional social work, service, deaconess.

Nartova N. A. Gender Contract in Modern Russian Society and Unconventional Gender Identities

The notion of gender contract as analytical category is studied. This category is used to describe normative gender identities, roles, relationships and hierarchies. Dominating gender contract in modern Russia is explored through sexual and social components.

Key-words: sex, gender, sexuality, gender contract, heterosexuality, homosexuality, gender roles, division of labour, work, maternity.

Ganeeva E. I. Formation of Problem Identity: Gender Aspect

The concept of social identity structure is suggested. It is common for all types of self-determination which are defined according to the sustainability parameter. The process of problem identity formation is analyzed in the context of transformational processes in modern society. These processes determine the circumstances in which certain difficulties in individual self-determination may appear. They have different level of influence on the sustainability of social identity of men and women.

Key-words: transformational processes, social and cultural pattern, identification, stable identity, problem identity.

Volkova E. J. Solution to the Everyday Women's Problems during the World War II

Everyday problems of Russian women during the years of World War II (1941—1945) are analyzed on the basis of archival materials.

Key words: World War II, women of the Russian Federation, everyday problems.

Авторы номера

ВОЛКОВА
Елена Юрьевна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры отечественной истории,
Костромской государственной
технологической университет.
E-mail: v-0-8@yandex.ru

ГАНЕЕВА
Евгения Ильгизаровна

аспирантка кафедры общей социологии
и социальной работы
факультета социальных наук,
Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского.
E-mail: j-ganeeva@mail.ru
8(831) 433-83-49

ГРЕК
Наталья Владимировна

аспирантка кафедры социальной антропологии
и социальной работы, Саратовский
государственный технический университет
E-mail: elina-natalja@rambler.ru

ЕГОРОВА
Надежда Юрьевна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры общей социологии
и социальной работы факультете социальных
наук, Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского.
E-mail: zara@fsn.unn.ru
8(831) 433-83-49

НАРТОВА
Надежда Андреевна

научный сотрудник, Центр независимых
социологических исследований,
соискатель Европейского университета
в Санкт-Петербурге.
E-mail: nartova@yandex.ru

ПЕТРОВА
Ирина Эдуардовна

кандидат социологических наук, доцент,
докторант кафедры общей социологии
и социальной работы факультета социальных
наук, Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
8(831) 433-83-49

САРАЛИЕВА Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна	доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой общей социологии и социальной работы факультета социальных наук, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского 8(831) 433-83-49
СМИРНОВА Анна Владимировна	кандидат социологических наук, начальник отдела по делам семей, воспитывающих детей, и демографической политике Департамента социальной защиты населения Ивановской области. E-mail: anyasmir@yandex.ru
СОЛОВЬЕВА Светлана Вадимовна	кандидат социологических наук, зав. учебно-исследовательской лабораторией по социальной работе при кафедре, старший преподаватель кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. 8(831) 433-83-49
ТЕПЕР Галина Анатольевна	кандидат философских наук, доцент кафедры социальной антропологии и социальной работы, Саратовский государственный технический университет. E-mail: teperga@mail.ru
ХАСБУЛАТОВА Ольга Анатольевна	доктор исторических наук, профессор, первый заместитель Председателя Правительства Ивановской области. E-mail: oax@gov37.ivanovo.ru
ЯРСКАЯ-СМИРНОВА Елена Ростиславовна	доктор социологических наук, профессор кафедры социальной антропологии и социальной работы, Саратовский государственный технический университет, профессор кафедры общей социологии Государственного университета — Высшей школы экономики, научный руководитель Центра социальной политики и гендерных исследований. E-mail: iarskaia@jsps.ru

С о д е р ж а н и е

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

Хасбулатова О. А., Смирнова А. В. Эволюция государственной политики в отношении семьи в России в XX — начале XXI века (Историко-социологический анализ)	3
Саралиева З. Х., Соловьева С. В. Альтернативные формы поддержки успешной семьи: проект «Дневные мамы»	14
Егорова Н. Ю. Родительско-детские отношения в браках и сожительствах	23

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА: ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ

Ярская-Смирнова Е. Р., Тепер Г. А., Грек Н. В. Брошенные дети: проблемы профилактики раннего сиротства	31
Петрова И. Э. Женские лица христианской социальной работы	48

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА

Нартова Н. А. Гендерный контракт современного российского общества и неконвенциональные гендерные идентичности	56
Ганеева Е. И. Формирование проблемной идентичности: гендерный аспект	65

ПРОБЛЕМЫ ЖЕНСКОЙ И ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

Волкова Е. Ю. Решение повседневных проблем женщин в годы Великой Отечественной войны	72
<i>Аннотации</i>	82
<i>Авторы номера</i>	86

Contents

SOCIOLOGY OF FAMILY

Khasbulatova O. A., Smirnova A. V. Evolution of the state family policy in Russia in the XX — the beginning of the XXI century (Historical and sociological analysis)	3
Saraliev Z. H., Solovyova S. V. Alternative types of support to the successful families: the project «Daily mothers»	14
Egorova N. J. Parental-child's relationships in marriages and cohabitations	23

SOCIAL POLITICS AND SOCIAL WORK: GENDER ASPECTS

Yarskaya-Smirnova E. R., Teper G. A., Grek N. V. Abandoned children: the problems of early orphanage prevention	31
Petrova I. E. Female faces of Christian social work	48

GENDER STUDIES: METHODOLOGY AND METHODS

Nartova N. A. Gender contract in modern Russian society and unconventional gender identities	56
Ganeeva E. I. Formation of problem identity: gender aspect	65

PROBLEMS OF FEMALE AND GENDER HISTORY

Volkova E. J. Solutions to the everyday women's problems during the World War II	72
<i>Summaries</i>	82
<i>Authors of the number</i>	86

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Журнал **«Женщина в российском обществе»** издается на базе Ивановского государственного университета и Российского межвузовского центра гендерных исследований с 1996 года. За десять лет, прошедших с выхода первого номера, журнал зарекомендовал себя как серьезное научное издание, посвященное разработке методологии гендерных исследований, научному осмыслению эволюции социального статуса женщин и мужчин, их роли в общественном развитии России, методическому обеспечению курсов по гендерной проблематике. География авторов научных статей представляет все крупные регионы России от Москвы до Дальнего Востока.

Основные задачи журнала:

— способствовать институционализации гендерного образования в вузах России через создание научно-методической базы для чтения курсов по специальностям различного профиля;

— интегрировать научное сообщество, занимающееся разработкой гендерной проблематики и представляющее авторитетных и молодых ученых России, докторантов, аспирантов;

— предоставить право первой публикации новому поколению молодых ученых.

Журнал «Женщина в российском обществе» выходит ежеквартально, распространяется бесплатно по предварительным заявкам ученых и библиотек.

Надеемся, что Вы проявите интерес к нашему изданию и пожелаете сотрудничать с нами. Будем рады видеть Вас среди авторов журнала. Мы поместим Вашу научную статью, рецензию на монографии и диссертации, переводы, обзоры конференций по следующим направлениям:

- теория и методология гендерных исследований,
- гендерная социология,
- проблемы гендерного равенства в политическом процессе,
- гендерные аспекты труда и занятости,
- гендерная лингвистика,
- женщины и мужчины в истории,
- гендерная педагогика и гендерное образование,
- гендерная психология,
- женское движение: традиции и современность.

По всем вопросам, связанным с публикацией и оформлением заявки на получение журнала, можно обращаться по электронной почте: oa@ivanovo.ac.ru, anysmir@yandex.ru.

С уважением

главный редактор журнала

«Женщина в российском обществе»,

*доктор исторических наук, профессор **О. А. Хасбулатова***

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Объем научных статей — 0,5—1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК, ББК**; на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** объемом 10—15 строк и **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТом 7.1-84.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность. Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Все материалы публикуются бесплатно.